

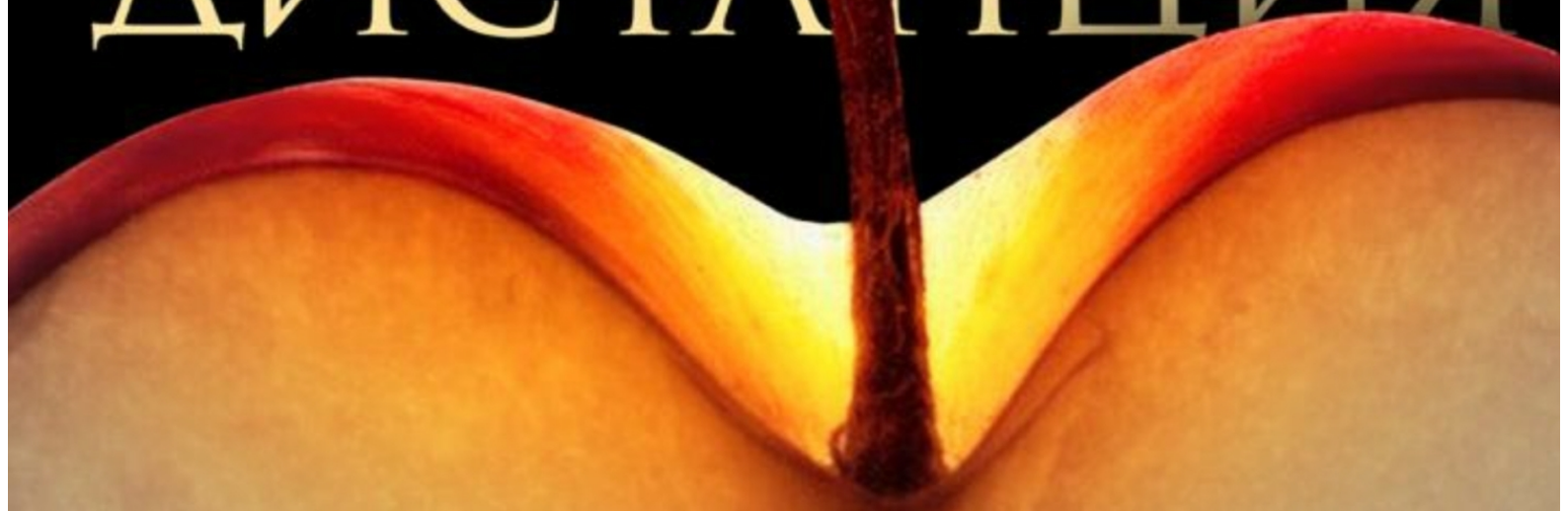

Сексу

СОЦИАЛЬНАЯ

ПЕРВАЯ ВОЛНА

ДИСТАНЦИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МИЛА

ЛЕВЧУК

Мила Левчук

**Первая волна:
Сексуальная дистанция**

«ЛитРес: Черновики»

2020

Левчук М.

Первая волна: Сексуальная дистанция / М. Левчук — «ЛитРес: Черновики», 2020

Мир после пандемии никогда не будет прежним. Государства превратились в изолированные миры и создают общество, в котором не работают законы свободы и прав человека. Что если тебе запрещено любить того, кого выбрал? Если разводы запрещены, а ты много лет мечтаешь о той, что уже замужем? О единственной на всю жизнь, той, которую однажды потерял. За связь с чужой женой тебя могут отправить копать могилы для погибших от смертельного вируса, лишит свободы и даже мужского достоинства. Но что если так вышло и ты самый упрямый человек на земле и раз сказал «добьюсь», значит так оно и будет? Главный герой антиутопии Алекс нравится множеству женщин, но любит одну, которую потерял еще в школе. В попытке вернуть свою единственную, он готов преодолеть пропасть, что разлучила его с любимой, схватиться с ее новым мужчиной, который способен превратить его в ничто и даже противостоять всему государству, которое запрещает любить. Что случилось в его прошлом? Содержит нецензурную брань.

© Левчук М., 2020

© ЛитРес: Черновики, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мила Левчук

Первая волна: Сексуальная дистанция

Глава 1

Алекс еще раз вогнал лопату в землю по самый черенок и остановился. Уф, жарковато так-то в защитном костюме и респираторе. Он распрямился и рукавом вытер мокрый и пыльный лоб. Осмотрелся, чтобы мозг отдохнул от однообразного нудного копания. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась довольно унылая пустошь с редкими вкраплениями деревьев и чахлых кустарников. Вся перерытая, в свежих курганах и насыпях. Неподалеку торчала монохромная бетонная стена, даже без граффити, КПП со шлагбаумом и двумя приземистыми постройками. Рядом с одной из них лениво курил охранник. Где-то неумолчно каркало воронье.

Таких, как он, нарушителей законов карантина и преступников тут было с десятков, причем девушки и женщины копали с мужиками наравне. Вернее, им какую-то другую норму никто не поставил, а вот продуктивность явно страдала.

Ему, например, все это вообще казалось приключением. После того как ты в армии год копаешь траншеи и окопы вдоль, поперек и в художественном порядке, а потом с тем же успехом засыпаешь и утаптываешь накопанное, рытье вручную на свежем воздухе вообще ни разу не стресс. Крепкое тело быстро вспомнило нехитрый навык, резвый ум достал из памяти способ не сдуреть от скуки, а если бы у него еще и телефон не отобрали, то с музыкой в ушах он мог бы в охотку трудиться до заката. Да и земля была хорошая, мягкая, стоило пробиться сквозь верхний каменистый слой. Вот поэтому к полудню он уже закончил две ровненькие могилы и наметил третью.

Таких успехов, к слову, не было ни у кого. Один мужик догонял, стоя по грудь во второй яме, но уже так дышал и обливался потом, что видно было – выдохся, а значит, Алекс играючи от него оторвется. Это соревнование он придумал со скуки, но хоть появились какая-то мотивация и азарт убиваться. Больше половины закончили первую и развивали успех во второй. И только одна девчонка и до середины первой ямы не дошла. Поговаривали, если три могилы ты копаешь неделю, то именно столько тебя и будут сюда возить. Вот потому-то Алекс и бился тут за звание почетного землеройца аж с шести утра.

Девчонка была стройная, невысокая, ручки-веточки и отчаялась еще на стадии прохождения верхнего каменистого слоя. Она сдуру решила равномерно рыть по площади и потратила уйму времени на то, что можно было сделать втрое быстрее, прокопайся она до мягкого слоя в одном месте. Поэтому к моменту, когда можно было сделать прорыв и у других открывалось второе дыхание, она уже выбилась из сил настолько, что еле ковырялась. А теперь, когда близился обеденный перерыв, и вовсе вдруг бросила лопату, села на край ямы и разревелась.

Ну ё-моё. Вольский выдернул лопату и направился к ней. Тут же с предостерегающим криком охранник отбросил свою сигарету и быстрым шагом устремился наперерез.

– Бегом двигай к моим. – Он загордил реву своими почти двухметровыми габаритами и пихнул в плечо. – Давай, оп-оп! – Силком он вздернул ее на ноги. Ух, легонькая какая! И толкнул в нужном направлении.

Девчонка хлопнула два раза глазищами, но на лету схватила свою удачу за черенок и побежала к его участку. Поэтому когда охранник достиг своей цели, старшина запаса Вольский уже бодро махал лопатой в своей неглубокой могиле. Поди разбери, кто где стоял.

Охранникам наскучило изображать из себя рабовладельцев уже к семи утра, и они спокойно удалились на заслуженный отдых в будку у шлагбаума, разумно рассудив, что бежать

тут некуда. Единственный путь на условную волю все равно через КПП. Да и какому дураку придет в голову бежать? Тут вокруг кладбища для павших от вируса, на километры разруха, пустошь и гетто.

Издали тоже не разобрать, менялись ли местами или нет. Арестанты хоть и отличались габаритами, но все были в одинаковых серых спецкостюмах и масках на лице. Что ты тут предъявишь? Да и зачем? Попытлел страж порядка для проформы да утек обратно в будку. Полномочий у него даже на подзатыльник нарушителю не хватало. Даже если и поменялся один арестант с другим, ему-то что? Сам себя наказал.

Это Лекс быстро осознал. Весь его прогресс и надежда отделаться за день остались там, на любовно возделанном участке, принадлежавшем теперь неизвестной девчонке, которая даже «спасибо» сказать не сообразила. Он и сам подумать не успел, как вписался. Ланселот кладбищенский покосился на спасенную плаксу, которая с энтузиазмом ковыряла его аккуратную третью яму и вздохнул.

«Засунь себе свое рыцарство в задницу, Лекс, – прокряхтел он, врезаясь в землю лопатой, – и проверни».

К обеду он даже начатое не закончил. У девчонки явно не было таланта к грубому ручному труду. Могила была кривая, косая, с пологими стенками и он полчаса убил лишь на то, чтобы спрямить углы. Такими темпами она и за неделю бы не управилась. От понимания, что в его помощи действительно нуждались, немного отлегло. Ну а в душевной бытовке на обед, после того как он отмыл морду и руки, сполоснул шею и смог наконец вздохнуть без фильтра, спасенная девчонка под села к нему за стол сама.

– Спасибо! – она смотрела на него с искренней благодарностью, ее губы дрожали, а глаза угрожающе блестели от набегающих слез.

Симпатичная кукольная мордашка. Выглядела лет на семнадцать, но школьницам общественные работы не назначают, так что истинный возраст собеседницы еще предстояло выяснить.

– Наслаждайся, – он широко улыбнулся, прощая себя за спонтанный героизм. Хорошенькая, маленькая, в беде. Ну как тут не помочь?

– Ты... ты... мой герой! – выдохнула она.

– Да брось, – он продолжал лыбиться, только делая вид, что слышать такие вещи ему не так уж и важно. – Меня зовут Алекс, а тебя?

– Я Лиза, – она улыбнулась в ответ и слегка порозовела.

В бытовку внесли пятилитровую кастрюлю, от которой исходил до зуда в затылке знакомый запах гречки. Назад в казарму. Отпуск в прошлое. После армии Алекс гречку в рот не брал. На всю жизнь наелся так, что отвернуло. Но сейчас было даже прикольно. Ностальгия.

Охранник быстро раскидал черпаком порции по тарелкам, грохнул чайник с чаем в центр стола и удалился. Лекс утянул с тарелки кусок серого хлеба.

– Ты за что сюда загремела, Лиза? – спросил он, погружаясь во вкусовые ощущения почти десятилетней давности.

– Я медсестра, нарушила стерильность красной зоны.

Ага, все-таки не выпускница и даже не рядом. Лет 25. Лекс прикинул, сколько надо отучиться, чтобы получить доступ в вирусный корпус.

– Вошла в блок в маске, перчатках и купальнике.

Он едва не подавился и поднял на нее от тарелки смеющийся взгляд.

– Серьезно?

– Да. Знаешь, как в полной защите жарко? К вечеру мокрая насквозь. У нас многие так делали перед концом смены. А у меня с главврачом отношения не очень. Вот она и вклеила административку.

Алекс хмыкнул, был бы там главврач мужик, ей бы еще премию выдали за заслуги перед отечественным здравоохранением.

– Стерва старая, – дрогнувшим голосом выдавила она, обняла себя за плечи и отвела глаза, пряча закипающие слезы. – Мне кошмары теперь будут сниться...

– Почему? – искренне удивился он.

– Мы же копаем могилы для мертвых людей! – ее передернуло.

– Хорошо, что их копают не для нас, – пожал плечами он, – остальное лирика. Представь, что ищешь сокровище.

Она помолчала, обдумывая эту идею.

– А ты почему здесь?

– Я пострадал за любовь, – он хитро подмигнул и получил в ответ заинтригованную улыбку.

– Это как? – ее маленькие пальчики как будто невзначай проскользнули по шее и принялись крутить сережку. Он на пару секунд залип на это дело.

– Она не сказала, что замужем. Да еще и попалась, дурочка. И вот, – он развел руками, приглашая полюбоваться результатом. При этом по его ехидной физиономии было абсолютно ясно, что пострадавшим он себя ничуть не считает.

– Ты же мог сказать, что не знал, и тогда она бы тут копалась, – вздернула бровки бесстыжая медсестра.

– А ты там, – он кивнул себе за спину, и она осеклась.

Лиза чуть приоткрыла губы и облизнула нижнюю. Последовавший за этим взгляд вознаградила его за все страдания. Смесь восхищения, интереса и смущения, исходящая от милостивой барышни, действовала как таблетка от уныния. Он поднял на нее взгляд от тарелки и вытянул левый угол губ в наглой обаятельной улыбке. Барышня сигнал приняла, смутилась и покраснела, но взгляд не отвела.

Под такими впечатлениями и копать было веселей, и дело спорилось. Когда вечером после проверки, помывки, дезинфекции и высадки на точке сбора он предложил ее подвезти, Лиза охотно согласилась, а потом пригласила зайти на чай.

Все же, когда ты метр девяносто два, у тебя широкие плечи, буйная темно-русская шевелюра и классические черты лица с четко очерченным волевым, но перманентно небритым подбородком, в гости зовут часто, правда, до чая почти никогда не доходит. Алекса должен был портить разве что выдающийся нос, с горбинкой, заостренный, слегка больше среднего. Алексу будто выдали его, чтобы влюбились не все девчонки, а только половина: вот же, смотрите, он не модель нижнего белья для мужчин, расходитесь, расходитесь. Но срабатывало наоборот, добавляя внешности изюма и какого-то несовершенного шарма, из-за чего он становился только обаятельней и интересней.

В нем не было холодности безупречных красавчиков, да и смотрел он всегда с приязнью и интересом, так, будто именно ты какая-то особенная и, безусловно, ему нравишься. Девчонки понимали, что шансы есть, даже если не снимались для каталога «Виктория секрет», и просто с ума сходили. Особенно когда он улыбался блестящими белыми зубами с крупными клыками, которые добавляли ему еще одну изюмину и новое достоинство в глазах девушек. А улыбался он постоянно, шутил, ходил в этой ехидной маске как в броне, так что ранние морщинки-лучики у наружных уголков глаз уже не распрямлялись.

Руки у него были большие, сильные, пролетарские, с выступающими венами на тыльной стороне ладоней и всегда чистыми, коротко остриженными ногтями. Костяшки на пальцах белели шрамами заживших ран. Не программиста руки, а скорее могильщика. А еще природа щедро подарила ему подтянутое телосложение, чуть суховатое, поджарое, из-за чего он никогда не имел проблем с лишним весом, но, чтобы не выглядеть тощакон, приходилось и в спортзал наведываться, и за питанием следить.

В общем, повезло с внешностью, Лекс это признавал. За нее и за легкий, юморной характер ему многое прощалось, многое само шло в руки, и не превратиться в эгоистичного самолюбленного придурка ему мешало три вещи: воспитание, интеллект и еще одно обстоятельство, о котором он предпочитал не говорить. И не вспоминать.

Сегодня в руки шла Лизавета, и вот он уже падает на спину в кровать, а она, звеня пряжкой ремня, ожесточенно сдирает с него джинсы. А потом так горячо благодарит, что у Лекса глаза закатились. Он шумно, протяжно выдохнул, ласково погладил ее по затылку и отчалил на волнах блаженства. Умница девочка, видит же, что герой устал. Все сама сделала. А потом усе-лась сверху и с полчаса не слезала, демонстрируя чудеса выносливости, а он посильно участвовал и наслаждался прекрасным видом благодарной женщины, которую, очевидно, крепко заводят рыцарские поступки.

Потом он сменил ее и выдолбил из девчонки такие стоны, что не понятно, как в глаза соседям теперь смотреть. Она была ненасытна и неукротима, так старалась для него, что начисто забыла о себе. Лекс успел спустить дважды, прежде чем в этом убедился. Сразу же дошло, что она не из тех, кто кончает от проникновения, тогда он силком уложил девочку на спину, языком и пальцами помог ей достичь оргазма, и довольная Лиза унялась, а сам он вырубился секунд через пять.

Ну а утро в чужом доме было похоже на множество таких же утр. Заспанное, улыбчивое личико подруги, вспомнить имя... вспомнить имя... Лизы! Кофе, яичница и смущенное признание, что он первый за год. Ну, это многое объясняет. Она делилась впечатлениями, сидя с ногами на стуле, как воробей. Он шутил и жрал, как конь. Потом снова сбор, амуниция, лопата...

Вечером она позвала снова, но на этот раз Лекс с улыбкой отговорился желанием выспаться и работой, что было чистой правдой. Она просила звонить. Он больше никогда не позвонил.

– Ну что, маргинал, алкоголик, тунеядец? Облагородил тебя труд на благо общества? – Глумливая физиономия Семена с экрана ноутбука выражала высшую степень превосходства женатого человека над холостым приключенцем. У него крайне редко выпадал повод позлорадствовать, но сейчас, несомненно, выдался именно такой.

– Отнюдь, – Лекс ответил ехидной ухмылкой, – только больше нагрешил.

Выражение лица собеседника сменилось на скептическую гримасу.

– Я запрещу бухгалтерии платить твои штрафы.

– А я обратно разрешу. Не строй из себя начальство.

– Дал же бог партнера уголовника.

– Повезло же с другом моралистом. Выкладывай давай, что там за катастрофа без меня?

– Размечтался. – Семен закатил глаза. – Катастрофа... Никто и не заметил. Может, пришло время сменить профессию?

Они привычно пикировались, как старые супруги, пока Алекс разворачивал таск лист и пробежал его взглядом. Логи несанкционированных запросов доступа к порталу МГУ, новый заказ на дебаг и защиту банковского приложения и целая простыня с переписками по подвисшим задачам.

– Я не хочу это читать, – выдохнул Алекс и уронил голову на стол с сочным глухим звуком. Деревом об дерево.

– Ну пусть тебе Настена суммирует. – Партнер взирал на него с таким разочарованием, с каким, должно быть, смотрит мать на сына, которого рожали, чтобы он стал бизнесменом, а он взял и вырос ихтиологом. И вот вместо карьеры тычет ей в лицо кальмаром, а она сидит и не понимает, что ты за бестолочь и почему так воняет.

– Разве есть что-то срочное? – глухо донеслось от стола.

Семен вздохнул и закатил глаза.

– Есть.

– Катастрофа? – Лекс поднял на него смеющийся взгляд.

– Ну катастрофа, – нехотя признался тот, – ах спаси нас, благодетель! Центробанк с утра истерит. Им систему повесили DDos атакой. Опять. А я предупреждал! Сэкономили, блт.

– Готовьте дары, мои юные подаваны, сейчас вам будет явлена сила. – Гений информационной безопасности размял пальцы и таки взялся за отчет об ошибках. – Нарисуй им красивый счет, остальное волшебство с меня.

Он любил свою работу. С юности, когда окончательно определился с призванием, Лекс почувствовал приятную определенность и то самое чувство, которое дает тебе уверенность в том, что ты на своем месте. Поэтому за годы предпринимательства он и в Сколково входил, как к себе домой, и клиенты не переводились. А Семен, хоть и ворчал, но отдавал себе отчет, что вся его административная организаторская работа строится вокруг таланта друга и его умения закорючки превратить в решение, за которым выстроится очередь из заказчиков.

Лекс знал, что занимается делом, ради которого рожден, и каждый в этом мире заточен для чего-то своего и будет делать это лучше других. И выяснить, в чем заключается твой талант – задача каждого человека, и ни на какие побочные занятия до тех пор лучше не отвлекаться. Стоит ли удивляться, что из хорошего садовника, который в себе не разобрался, получается отвратительный юрист, а из поэта – омерзительный плиточник-облицовщик. Люди не на своем месте бесили Алекса до кипения, но он понимал, что кому-то уже поздно что-то менять и нужно просто подальше держаться от тех, кто доламывает свою стезю, причиняя максимальный ущерб себе и окружающим. Он и сам иногда думал, что бы было, родись он в эпоху Средневековья? Вероятно, сложил бы голову в каком-нибудь крестовом походе, научившись в своей жизни двум вещам: убивать и не убивать.

Стоило Вольскому убедиться в том, что языки программирования раскладываются в его голове на многоступенчатую упорядоченную структуру, как он перестал отвлекаться на исправление двоек по химии, прекратил спорить с учителем географии, что он debil, и вмешиваться в сложные отношения исторички с его посещаемостью. Он откровенно на все это забил, а поскольку свое дело давалось ему легко и непринужденно, высвободилась куча времени на то, чтобы разогнать некоторые навыки, которые отставали от таланта, но все равно уверенно входили в число сильных сторон.

Он стал больше читать, занялся спортом, танцами. Даже попытался играть на гитаре (это нравилось девушкам), но вскоре выяснилось, что девушкам он нравится и без гитары, а издеваться над инструментом грешно.

Кстати, о спорте. Зазвонил телефон. В первую секунду Алекс вздрогнул, вспоминая, о чем забыл, когда принял сигнал за будильник. Но вскоре понял, в чем дело, и криво ухмыльнулся:

– Внимательно, – ехидно произнес он, включая громкую связь.

– Привет. Звоню напомнить о том, что тебе нужна тренировка, – зазвучал из динамика уверенный женский голос.

– Мне? Какая проницательность, – он ослабил и подпер рукой подбородок. – Какая забота, Валерия, я впечатлен! – его голос сочился ехидством.

На том конце на секунду замялись.

– Ну... мне, – она вздохнула, и Лекс прямо услышал, как она борется с собой. Ничего, ей полезно. – В общем, придешь или нет? – теперь она звучала сердито.

– Ну разумеется, приду, – отозвался он, и голос собеседницы сразу потеплел.

– Сегодня? – с надеждой выдохнула она.

– В пять, – добавил он.

– Жду, – и связь оборвалась.

Лекс откинулся на спинку стула и потер лицо руками. Хорошо, что успел выспаться!

Лера звонила ему раз в месяц, почему-то именно голосом и приглашала на тренировку. Очевидно, для нее это был своего рода ритуал. Виделись-то они гораздо чаще, когда он сам приходил в зал и она семь шкур с него спускала по программе тренировок, которую сама же и составила. Но устное приглашение он получал редко и старался не отказывать, потому что Лера была очень интересной девушкой.

Жесткая, волевая, сильная девчонка с телом, отлитым из бронзы. Дома у нее на стене висело столько медалей за фитнес-бикини, что хватило бы на золотой нагрудник. Любая выставочная собака позавидует. И она ни с кем не встречалась уже много лет, а всех претендентов срезала на подлете пулеметной очередью из острот и метких, обидных замечаний. Алекс терялся в догадках, почему она выбрала именно его, но это всегда был захватывающий опыт.

Вот он приходит в спортзал, переодевается и появляется у тренажеров, и эта чудовищная женщина начинает истязать его, как в застенках гестапо, заставляя делать столько подходов и увеличивать нагрузку настолько, что через час тренировки он хрипит, как издыхающий бульдог, а его футболку можно выжимать. А тренер стоит над ним в тонких обтягивающих шортах и комментирует:

– Что ты как девка? Я этот вес двенадцать лет назад брала! Еще десять раз! – Приседает рядом так, что в поле зрения попадает уже маленькая подтянутая грудь с торчащими сквозь топ сосками и проникновенно добавляет: – Облажаешь технику, будет еще десять.

И считает, пока он, трясаясь от натуги, с надутыми венами жмет штангу от груди. Лера и обычно-то не Белоснежка, в приглашенные дни и вовсе превращается в десятибалльный шторм. А когда он, убитый в ноль, уползает в душевую, через пару минут дверь кабинки открывается, и его мокрое, скользкое тело сзади обнимают красивые руки. Она гладит его живот, грудь, входит под струи воды и прижимается твердым, рельефным животом к его спине и целует между лопатками. Ласковые ладошки ныряют ниже и обхватывают член. Тут-то он ее и перехватывает. Грубо берет за запястье и отталкивает в сторону, поворачивается и хмуро, без улыбки спрашивает:

– Чего тебе надо?

Лера переминается с ноги на ногу и кусает губы, глаза опущены, по лицу блуждают красные пятна. Куда подевалась Немезида? Перед ним стоит испуганная, робкая девочка, которая едва не дрожит под его холодным, равнодушным взглядом. Алекс знает, что в этот момент она течет так, что если б не душ, была бы мокрой до колена.

А потом она берет его руки, трется о них лицом, целует, облизывает пальцы, а он раздраженно их отбирает. Лера трясется и становится на колени...

В первый раз Лекс действительно не хотел иметь с ней ничего общего, так она достала его в тот день, и посылал ее к черту совершенно искренне. Но когда увидел эту разительную перемену, был настолько заинтригован, что повелся, и у них случился грубый, даже несколько жестокий секс. Он хотел отыграться за недавние унижения, развернул ее задом, схватил за волосы, намотал на ладонь, зажал рот и поимел так, что любая другая молила бы о пощаде. А эта просила еще и еще, плакала и кончала как одержимая. А потом мягкая, дрожащая, на подгибающихся ногах, железная леди цеплялась за него, как кошка терлась лицом о его плечи и благодарила.

С тех пор такие тренировки стали их маленькой игрой. В обычные дни он не лез к ней, и никто из них двоих не чувствовал ни влечения, ни химии. Отношения не нужны были обоим. Она и вовсе нуждалась в сексе всего раз в месяц. И именно в таком: грубом, злом и доминирующем. В такие моменты она превращалась в покорную рабыню, готовую ползти на четвереньках, сносить пощечины и просить добавки.

Лера протестировала пару десятков посетителей спортзала, пока не напоролась на Лекса, и, судя по всему, он отлично подошел по всем параметрам. Сильная женщина со слабым сексуальным темпераментом хотела спустить пар и почувствовать себя маленькой, беспомощной

и подвластной кому-то девочкой. Для нее разрядка и терапия, а для него захватывающее приключение, после которого он восстанавливался по три дня. Каждая мышца болела так, что он едва поднимался к ноутбуку. Но и в этом была своя прелесть.

Связью с Лерой он дорожил, но не думал о ней между сессиями и ни разу не предложил чего-то большего.

В этот раз они проторчали в душе около часа, и когда он доплелся до скамьи у своего шкафчика, в нем боролись два желания: пожрать или сдохнуть. Второе побеждало с серьезным отрывом, когда над головой внезапно грянул взбудораженный, преувеличенно радостный голос:

– Ну конечно, кто еще это мог быть? Вольский! Все девки твои, как всегда.

Он открыл глаза. На скамью напротив уселся конопатый мужик в полотенце на бедрах и радостно уставился на него.

– Дани-и-и-илов, – Алекс расплылся в дружелюбной улыбке, заставил себя сесть прямо и приветственно поднять руку, – сколько Лен, сколько Зин!

Тот заржал и подмигнул.

– Лер, – поправил он.

Алекс философски пожал плечами.

– Ну ты как? Я после выпускного класса ничего о тебе не слышал. Потерялся ты с радаров. – Данилов был похож на восторженного лабрадора, который встретил партнера для игр, только что хвостом по полу не стучал.

– Бизнес, разврат, нравственная деградация, – коротко резюмировал свои успехи за минувшие с выпускного годы Вольский.

– А я женился недавно! Нас по базе подобрали. Во всем предпочитаю научный подход. Скоро будем подавать заявку на ребенка.

– Поздравляю, – кивнул Лекс, – если по базе, значит, одобряет.

– Спасибо, мы надеемся. А ты не решился на законные отношения?

– Нет. Умру один, научу кота подавать стакан воды.

– У тебя есть кот?

– Заведу!

Они заржали.

– Ты кого-то из наших видел? Кто, где? – спросил Данилов.

– Только Сему. Бизнес, жена, двое детей. Тошнотворно счастлив.

– Двое! Ого... повезло ему. А вы все так же не разлей вода.

– Угу, я пытался. Не разлил. – Алекс развел руками. – А ты кого-то видел?

Данилов видел многих и обрушил на него целый ворох любопытной, но абсолютно бесполезной информации. Теперь прибавит еще две истории к архиву, и все бывшие одноклассники узнают, с кем у Лекса бывает секс в душе тренажерного зала. Да и плевать. Он выслушал все забавные байки и даже не симулировал интерес. Все же этих людей он знал десятилетку и еще столько же не видел, любопытно было, как кого жизнь разбросала. Уже открывая дверь зала, Данилов обернулся и добавил:

– Ах да, еще Тихомирова в соседний дом переехала. – И вышел, а Лекс еще минут пять стоял с ослабшими, повисшими руками и смотрел на раскачивающуюся на петлях дверь.

– Братан, надо встретиться. – Спустя десять минут Алекс нервно барабанил по рулю, набирая скорость по Каменноостровскому.

– Что, так срочно? – меланхолично поинтересовался Семен по громкой связи.

– Срочно. Жду тебя в «Весна Осень», я уже там, – он сбросил звонок, не дожидаясь согласия, и прибавил газу от перекрестка.

– У-у-у-у... как все запущено-то, а... – Лекс поднял голову и увидел стоящего над ним друга, слабо улыбнулся ему и проводил взглядом за сиденье напротив. – Что за повод? – Семен кивнул на стакан вискаря.

Ресторан на Крестовском острове располагался на берегу малой Невки, и с летней веранды открывался фантастический вид. Слева на острие Петроградки со свежими стеклянными высотками. Прямо на моргающий красными огнями бетонный периметр карантинной зоны по набережной Васильевского острова. А справа на залив и пересекающий устье Невки перекрытый мост Западного скоростного диаметра. Сейчас, в сгущающейся темноте, с прожекторами в небо из-за стены, зрелище было такое, что можно было и комаров потерпеть, и тянущийся от воды холодок.

– Альбина переехала, – невпопад ответил Лекс и глотнул спиртного.

– Да. Два года назад, – ровным голосом отозвался Сема и махнул официанту.

Вольский уставился на него и с минуту потрясенно молчал. Друг невозмутимо выдержал эту атаку, и тот выдохнул, как будто сдуваясь.

– Спасибо, – снова не по теме произнес он и прикончил стакан.

– Ты не сглупил?

– Нет, как я мог? Я же в фаервол зашился, не получится, даже если захочу.

– А ты захотел? – Семен поднял бровь и окинул явно психующего друга тяжелым взглядом.

– Да не делай ты такое лицо. Я в порядке. Просто... сам понимаешь.

Семен понимал. Только он и понимал, потому что застал предыдущий приступ и тот, что был перед ним. И все остальные до этого. Поэтому весь последующий вечер они трепались обо всякой ерунде, сначала напряженно и с усилием, потом дело пошло на лад. Лекс надрался и балагурил, а о том, с чего начался разговор, не упоминал ни единым словом. В конце вечера трезвенник увез алкоголика домой.

– Слушай, тебя Ксюха не убьет, если я попрошу остаться? – заплетающимся языком спросил Вольский.

– Не убьет, – твердо ответил Семен и принялся раздеваться.

Вырубились они далеко за полночь, после того как на двоих прикончили все запасы алкоголя в квартире. Вернее, Семен вырубился, а Лекс все лежал и смотрел в потолок в темноту и на пробегающие по потолку отблески меняющейся подсветки стадиона за окном. Десять минут. Двадцать. Час. Потом молча протянул руку, и свет от экрана телефона ослепил его. «Альбина Тихомирова» – ввел он поисковый запрос и, секунду поколебавшись, ткнул кнопку поиска. «Ничего не найдено», – ответил поисковик, как от него и ждали.

Тогда он встал и вышел в соседнюю комнату, где на диване дрых дружище, а его мобильный лежал рядом на полу, экраном вниз. Лекс поднял его, разблокировал и направил экран в лицо товарища. Фейс айди узнал хозяина и впустил нарушителя в систему. Вместе с телефоном он ушел в туалет, заперся изнутри и повторил запрос поисковику. Замелькали подгружающиеся результаты. Ссылки, ссылки, сотни ссылок.

Алекс закрыл глаза и глубоко вздохнул, а потом решительно тапнул на первую синюю строку в списке. Мгновение за мгновением текли, словно вечность в песочных часах, пока на белом экране не появилась синяя шапка соцсети и имя пользователя. Возраст, место жительства и на долю секунды позже фотография. На ней юная, свежая блондинка с длинной гибкой шеей и томными, эльфийскими глазами смотрела Вольскому прямо в сердце, щека к щеке прижимаясь к какому-то мужику.

Глава 2

Впервые я увидел ее, когда мне было шесть лет. Это был летний, солнечный день, и мы с пацанами с криками носились по двору, перекидывая друг другу мягкий тряпичный мячик, стараясь попасть в голову.

Во двор въехал грузовик, и из него выпрыгнули грузчики, принялись разгружать мебель у первого подъезда. Мы с друзьями побежали посмотреть. Новый жилец в нашем не самом многоквартирном доме всегда был событием. Я совал нос в кузов, пытался угадать, не подвезли ли нам нового друга. Грузчики не гнали меня и даже вручили горшок с цветком, велели тащить на первый этаж, в третью.

Помню, как вошел в просторную пустую квартиру, весь охваченный любопытством, шаг за шагом приближаясь к событию, определившему мою жизнь. Заглянул в левую комнату – никого, потом в дверь напротив – ничего кроме коробок и стульев, прошел дальше и открыл третью дверь.

Комната была залита светом. В пустом оконном проеме еще не повесили шторы, и на полу лежали яркие солнечные квадраты. Я помню этот момент до мелочей, вплоть до пылинок, что струились в луче, и звуков чириканья воробьев со двора. И помню ее силуэт в мерцающем облаке волосков, выбившихся из высокой тугой прически, как у балерины. Ее-то она мне и напомнила. Тоненькая, невесомая девочка лет пяти или меньше, с длинной шеей, в воздушном фатиновом платье, прозрачном на просвет. Она стояла в квадрате света на полу и сияла, а я замер в дверях, оцепенев, и смотрел на нее, чувствуя странный восторг и ломоту в груди и еще не понимая, что это значит.

Она тоже заметила меня и замерла. Сделала шаг назад, солнце больше не светило ей в спину, и я смог разглядеть лицо. Маленькое, с заостренным подбородком, огромными инопланетными глазами, носом пуговкой и мягко очерченными губами. Она была похожа одновременно на балерину, принцессу и фею. И тут меня ударило! Я ее вспомнил! Узнал! Это точно была она! Балерина из старого советского мультлика про стойкого оловянного солдатика. Та самая грустная, неземная, бесконечно красивая... я впервые увидел ее за пару дней до нашей встречи, и меня в самое сердце поразила и ее красота, история любви и финальный прыжок в объятия любимого и смерти. Ребенком я заболел на несколько дней, переживая потрясение страшного финала сказки Андерсена и вспоминая ее грустные бездонные глаза. Я почти влюбился в этот выдуманный, нарисованный образ. И вот это существо, живое, настоящее стояло передо мной и испуганно смотрело на пацана с цветочным горшком в руках.

– Ма-а-ам! – испуганно воскликнула она, и я будто очнулся, моргнул, увидел девочку, а не балерину, но ощущение восторга не пропало.

Вбежала ее мама, такая же стройная, тонконогая, и спросила, как меня зовут.

– Леха, – сказал я, продолжая во все глаза пялиться на девочку.

– А это Альбина, будете дружить, – обрадовалась ее мама.

Нас посадили на полу в этой комнате, внесли коробки с игрушками и велели их разобрать. Это было интересно, я с любопытством полез внутрь, а она сидела и молчала. Зато я трещал без умолку. Про парк через дорогу, магазин, в котором продают пирожные, про котят в подвале и что у меня есть лягушка, которую я кормлю мухами с подоконника. Мне было все равно, что она молчит, лишь бы сидела рядом и слушала.

Я распаковал все ее игрушки, альбомы, краски, разложил в стеллаж, который внесли грузчики.

– Вот какой рыцарь! – восхитилась ее мама. – Смотри, Аля, какой молодец! Угости Алешу конфетой.

Она подошла и сунула мне в руки карамель в хрустящем фантике.

– Спасибо, – сказал я и, понимая, что сейчас меня выгонят, затараторил еще быстрее, – я из второго подъезда, со второго этажа. Из тринадцатой. Хотите, я вам шкаф соберу? Я умею, я папе помогал.

Мама перевела взгляд с меня на нее и обратно, ее улыбка стала еще приятней, и она разрешила мне помочь собрать шкаф. И я помогал. Вертелся там до самого вечера, пока за мной не пришла уже моя мама и не забрала домой. И только там я достал из кармана нетронутую конфету и положил ее к своим сокровищам: ракушке, старой, грязной монете и старинному ключу от потерянного сундука с сокровищами.

Заговорила она со мной только через три дня. Но я приперся к ней под дверь и на второй день, и на следующий. По-хозяйски показал весь двор, везде таская за руку и выискивая малейший повод схватить ее снова. Сводил в магазин посмотреть на пирожные и в подвал к котяткам. Там я увидел, как она улыбается, и весь запузырился от восторга, подсовывая ей в руки котят одного за другим.

– Давай придумаем им имена, – сказала она, и это были первые слова, после того как она позвала маму.

Я так обрадовался, что Альбина умеет говорить, что был согласен на любое имя котенку, но выхватил из копошащейся кучи самого белого и протянул ей:

– Давай это будет Альбина?

Она снова заулыбалась, и меня окутало теплом.

– Тогда этот будет Леша, – она показала пальцем на самого непоседливого полосатика, который вечно лез всем на голову.

– Давай! – я лыбился так, что у меня болело лицо.

Я прилип к Альбине как репей. Каждый день начинался с того, что я наспех глотал завтрак и летел стучать в дверь. Вскоре ее мама уже встречала меня словами «О! Жених пришел», а папа крепко жрал мне руку, как взрослому. Я не понимал, что это значит, главное было, что меня не прогоняли.

Естественно, притом, как долго она привыкала к новым людям и ее «общительности», у моей невесты возникли проблемы с вхождением в коллектив. Большие недели с ребятней во дворе я говорил за нее, а она молча держалась за моей спиной или тянула за руку куда-то в сторону. Ее попытались дразнить «немой», и я впервые в жизни подрался. С тех пор я еще не раз выхватил и за нее, и за себя, но это детали.

Худшими днями того периода были выходные, когда нас с сестрой забирали на дачу. Какие истерики я закатывал, чтобы меня оставили дома одного, но никто этого, конечно, не слушал. И я ходил по участку кругами, собирал для нее ягоды и зеленый горошек. Лез в пруд за лягушками и в какие-то заброшенные дома, стройки, чтобы потом рассказать о своих приключениях. Уже тогда я постоянно вел внутренний диалог с ней, сочинял для нее истории и каждую минуту в разлуке жил ожиданием того, как я ее увижу.

А потом стало еще хуже. Родители отдали Альбину в детский сад. Помню, как, узнав эту новость, ревел и кричал: «Как она будет там? Она же не разговаривает! Она же боится! Вы злые, злые!» и глубоко страдал. Не дал ни обнять себя, ни утешить. И, кажется, довел ее маму до слез. Дома я продолжил рев, и тогда отец потрепал меня по голове, он был не склонен к сантиментам, и похлопал по спине: «Это любовь, сынок, бывает больно. Привыкай и будь мужчиной». Я эту фразу хорошо запомнил.

Теперь я только и делал, что околачивался у детсадовской ограды в ожидании начала прогулки, пролезал между прутьями забора и бежал навстречу группе, чтобы отогнать того, кто держал ее за руку, и встать в строй рядом с ней. Воспитателей, должно быть, предупредили, никто мне не препятствовал. Только в группу не пускали. В последующий год, уже первокласником, я сам забирал ее из сада и вел домой.

Для меня она была беззащитной, трогательной, такой нежной и без меня, казалось, беспомощной. Верила каждому моему слову, шла следом, даже если было страшно или не хотелось, цеплялась за руку и шла. Мне кажется, она прыгнула бы со мной с моста, предложи я такую идею. Альбина готовила мне оладьи и булочки с корицей, приносила мне рисунки из сада. Все свои чувства и тайны она рассказывала мне. Только мне одному. Мне казалось тогда, что я знаю ее лучше, чем кто-либо. Добрую, милую, закрытую для всех и открытую для меня. Как жемчужина в ракушке. Только моя.

Я привык к дразнилкам «Тили-тили-тесто» и «Аля+Леша=любовь». И сам писал такое мелом на стенах подъезда возле ее двери. Но наедине мы об этом не говорили. Как будто все и так понятно, как будто так было всегда. Думаю, тогда никто не сомневался, что мы навсегда вместе.

– Ска, Вольский, на хрена ты это сделал!? — орал Семен. – Ты же взрослый, умный человек, ответь, НА ХРЕНА?

– Взрослый и умный... расту... прогрессирую, – бесцветным голосом ответил Лекс.

– Нормально же жил! Трахал своих баб, копал могилы, работал, – он с досады пнул пустую бутылку Джемисона.

– Де-гра-ди-ро-вал, – его взгляд проследил путь бутылки под шкаф, где она столкнулась с другой и зазвенела.

– Ты жил! А сейчас что? Ты спиться решил?

– Решил.

– Твою мать, – простонал Семен и сел на диван рядом с другом. Он сидел заросший, свесив руки с колен и глядя в одну точку, не похожий на себя. Он даже думать не хотел об этом, но человек, которого он знал таким энергичным и полным жизни, был похож на пациента хосписа, из которого жизнь вытекает на глазах. — Ну а ты как думал? Она девственница до сих пор?

– Ска, – Лекс закрыл лицо руками и завыл, – что ж ты делаешь, зараза, мне ж еще жить да жить.

– Да ты, похоже, уже отъехать собрался. – Он горестно окинул взглядом кладбище бутылок и коробок фастфуда. — Ты на этом долго не протянешь.

– Я не знаю, как жить, бро... Это не проходит. Оно как рак. Я был в ремиссии и вот. Мне пизде-е-е-е-е-ец, – он застонал, сжимая виски между ладоней.

– Да блт, – Семен зажмурился, – даже представлять не хочу.

Сказать по правде, вот так проживешь десятилетку бок о бок с безнадежно страдающим однолюбом и чудом не выхватишь фобию на предмет любви, женщин и вот этого всего. Но, к счастью, примеров подобной аномальной безнадеги в округе больше не водилось. Так что рабочая версия Семена Фадеева заключалась в том, что с любовью порядок, это просто товарищ у него поехавший.

Они помолчали, каждый по-своему прикидывая масштаб катастрофы. Не первый раз они проходили через это вдвоем. Триггернется на что-то старый друг и проваливается на дно своей души, где все выжжено в радиоактивную пустошь. Искушается в лучах самоненависти и утраты. Поупивается жалостью к себе. Через месяц снова девчонки, приводы, список грехов растет, Семен выдыхает еще на пару-тройку лет. Но никогда. Никогда он не получал такой ядреный повод для страданий. То есть вообще никогда!

Его роковая, безнадежная, единственная любовь на всю жизнь была созданием настолько неземным, что о ее личной жизни не было известно ничего и как-то даже представить было сложно, как к такой фарфоровой невинности кто-то прикоснется. И тут выясняется, что все эти годы она вполне себе жила и даже не одна. И что теперь будет с Алексом, им обоим представить было трудно. Назревал небывалый кризис... Семен решительно встал.

– Братан, послушай, я давно об этом думаю, но сам понимаешь, как такое скажешь?

Он заходил по комнате под скептическим тяжелым взглядом друга, который не ожидал ничего, кроме нотаций. Влияли они не больше, чем уровень мирового океана на толщину инея у Лекса в морозилке, но остановить фонтан нравоучений у него все равно не было ни сил, ни энергии.

– Я вот что подумал, ты ведь с ней одиннадцать лет не общался, а десять из них вообще не видел! Ты знал и любил ее юной девочкой. Девочкой, понимаешь? Ребенком! Ты сам был ребенком.

– Ага, ребенком, – хмыкнул Лекс, – 16 лет, рост метр восемьдесят пять и водка за гаражами.

– Не выделяйся! Или ты с тех пор не повзрослел?

– К чему ты клонишь?

– К тому, что за это время она выросла и стала человеком, которого ты не знаешь! Когда-то видел. Да, знаком. Но теперь... Она могла вырасти меркантильной стервой, нимфоманкой, на наркотики подсесть, черт возьми.

– Не носи ахинею, – возмутился Вольский, – уж в этом я могу быть уверен.

– Ладно, согласен, но по сути-то верно! Она может оказаться вообще любой. Сколько через твою постель прошло? Хоть одна тебе подошла? Нет! Она может оказаться как любая из них.

– Ни одна не подошла, потому что мне нужна одна конкретная, которой не нужен я!

– Да пойми ты! Ты ее себе выдумал! Сочинил светлый образ идеальной девушки в голове. Ты не знаешь ее десять лет, а уверен, что она та самая. Вы встретитесь, поговорите и окажется, что она вообще тебя не понимает. Ей не нравится то, что любишь ты, она осуждает твои взгляды, а тебе с ней скучно. Может такое быть? Запросто! Ты ее возвел на пьедестал. И-ДЕ-А-ЛИ-ЗИ-РО-ВАЛ! Гений чистой красоты. А она обычная женщина. — Семен расхаживал перед ним и страстно жестикулировал. – Я почти уверен, что ты создал настолько нереалистичный образ, что при встрече разочаруешься за полчаса.

– А если нет? — тихо проговорил Алекс, глядя в пол. – Если не разочаруюсь?

– Ну тогда тебе точно пиндык.

После его ухода Алекс еще с полчаса лежал и ловил «вертолеты». Слава богу, отцу двоих детей третий под тридцатку лет не вписывался в расписание. А то слушай его еще часа четыре... того и гляди вытошнит моралью и психологией. И так от вискаря мутит.

Он лежал и трезвел. «Заботливый родитель» выгреб из квартиры всю стеклотару пустую и полную, и теперь во всем доме из алкоголя оставался только полторапроцентный кефир в холодильнике. Доставка алкоголь не возила, а выкатился товарищ аккуратно под комендантский час. И теперь хочешь не хочешь, приходи в себя, лови абстинентный синдром и погружайся в пучину адской саморефлексии.

Чем яснее становились мысли, тем гаже делалось во рту, животе и сильнее трещала голова.

Как теперь жить? Тараном долбило в голову. Кто он? Почему не я? Почему она выбрала не меня? Разве сделает он ее счастливой? Разве сможет так любить?

Ох, ТАК любить не пожелаешь даже последней сволочи. То чувство, что когда-то наполнило его жизнь смыслом, светом, чудом, то, от чего он испытывал сильнейший восторг и острое, до дрожи счастье, теперь мучительными флешбэками возвращало его в момент своей невыносимо глупой, нелепой и чудовищно необратимой утраты, с головой погружало в сожаления о сделанном и ненависть к себе. В несбыточные сценарии, как все могло бы повернуться, не будь он таким кретином. Он не мог это пережить и отпустить совсем. Лишь научился прятать всю эту боль в глубокий подвал и приваливать хлипкую дверцу мельтешением событий, каруселью женщин и тяжелым пластом бесперывной работы.

В основном он притерпелся к фоновой тупой боли в груди, научился с ней жить, временами почти переставал замечать. Иногда она ныла сильнее. Особенно осенью, когда питерская погода начинала испытывать нервы каждому и без наличия повода для приема антидепрессантов. А уж при такой дыре в душе кровоточить начинало с последними числами октября, пронизывая все существо экзистенциальной тоской. Поздняя осень и зима были Лексу невыносимы. Иногда чуть дышал от накатывающего самоедства и чувства утраты. Становился угрюмым, язвительным, несносным. А потом наступал январь, за ним февраль и ничего, отпускало. И жить хотелось, и оптимизм возвращался, он прятал в подвал причину своих страданий на несколько месяцев, а случалось, и на пару лет.

Самые страшные провалы случались, когда он получал новости о ней. Сначала дошел слух, что Альбина поступила на худграф. Лекс выяснил адрес и изменил свои маршруты, чтобы проезжать мимо. Он всматривался в прохожих, испытывая тяжелое чувство непреодолимости этих стен, за которыми она жила и училась, не подозревая об ищущем взгляде человека из прошлого, перескакивающим с лиц прохожих на окна и обратно. Она не попала к нему ни разу. В итоге он таки довыдывался, кончилось тем, что вписался в бампер впереди идущей тойоты. Разбил лоб и повредил запястье. Разозлился, ездить перестал, даже начал избегать этого поворота, но даже много лет спустя миновал это место с замиранием сердца и косил взглядом на тротуар.

Другой раз матушка лягнула, что у Альбины умер отец, и он две недели жил в лихорадке: принести соблезновения или нет? Пока колебался, уместное время ушло.

Потом у него самого умерла мать. Было так тошно, что мозг в качестве спасения подсунул лекарство — написать или позвонить, получить поддержку, не откажет же она. Пожалеет, у нее ведь теплое сердце. Гордость удержала. После того периода Алекс сел и отключил себе возможность поиска в интернете по всем запросам, связанным с ее именем и фамилией. Тогда в соцсетях страниц у нее еще не было.

И все это время он в действительности ничего о ней не знал и намеренно избегал новостей. Все друзья и родня понимали: нельзя затрагивать эту тему. Может, ничего не будет, а может долбануть запой или очередной экзистенциальный кризис.

Почему же он так глупо нарушил собственные правила безопасности, выстраданные кровью? Да потому что самоуверенный идиот! Как он теперь на себя злился!

С предыдущего приступа прошло уже три года. Он не вспоминал о том, что где-то по земле ходит та самая, что ему не принадлежит, даже думал, черт побери, что влюбился! Жил, дышал, радовался, ссорился, был счастлив и думать забыл о своем потайном подвале, над которым уже почти выстроил здание новой жизни. Его отпустило! Как это было прекрасно. Иногда он мысленно прикасался к воспоминаниям о ней и ощущение было, как будто трогаешь застарелый шрам, заросший свежей, нежной кожей. Не сгладится и не исчезнет никогда, но больше не болит. Господи, больше не болит! Мучил только страх сорваться.

А потом одно за одним. Расставание, которое вызвало в душе только эхо между холодными стенами. Ничего. Ноль эмоций. А он-то помнил, как потерял любовь в прошлый раз, и это было совсем иначе. Лекс по привычке прикоснулся к шраму и снова не ощутил никакой боли. Пошел по проторенному пути классного парня, которому рады во многих постелях. И ничего, полет нормальный.

Казалось бы, живи да радуйся. Но когда ты столько лет проводишь в неконтролируемом дрефте от кризиса к кризису, жизненно необходимо убедиться в том, что здоровье тебе не показалось, что свобода не приснилась, а прошлое действительно надежно и окончательно отпустило. Посмотреть в ее глаза и ощутить пустоту и равнодушие.

А тут Данилов со своим напоминанием, которое острой иглой кольнуло в сердце. Заболит? Нет, в душе было тихо, неприятно пусто, как будто из комнаты, где когда-то было не толкнуться от важных и дорогих вещей, вынесли все, вплоть до пыли на полу. И Лекс решил,

что это знак. Он быстро все спланировал, чертов наркоман. Каким же хитрым бывает зависимый разум! Семена он позвал в тот день специально, знал, что накануне возможного приступа друг не оставит его в одиночестве. Намеренно напоил. Сейчас уже было ясно, что он искал лазейку, что все это была не проверка, а обходной путь вокруг выстроенных заслонов. И понял Лекс, что наделал, только когда увидел это фото. Но обратного пути уже не было.

То, что хранилось в том глубоком подвале, уже под землей, закатанное сверху в бетон, яростным взрывом вырвалось наружу и смело все, что было настроено сверху. Сознание затопила ревность, боль, обида и животная тоска. Как он по ней скучал!

Перед его глазами в адреналиновой лихорадке расплывался ее повзрослевший образ, боже, какая красивая... сердце останавливается! И какого-то мужика. Обыкновенного. Просто мужика. А ее достоин был только супермен, раз уж он сам в полете. И теперь он сидел, трезвый, голодный, и его тошнило от невыносимого ощущения ревности и досады. Что-то вновь нестерпимо давило на солнечное сплетение, и он едва дышал.

– Просто это депрессия, – произнес он вслух, – непрожитые детские травмы. Психосоматика, – он ударил в грудь кулаком, но легче не стало.

В голове вертелись слова Семена «разочаруешься за полчаса». А что? Ведь это шанс! Все сказанное звучало логично, и подступающий вместе с окончательной трезвостью ужас грядущих сердечных страданий не оставлял выбора. Его точно ждет ад, а если Семен прав, то это освободит его раз и навсегда. Вольский встал. Сгорел сарай, горы и хата. И он с одержимой энергией уселся за комп.

Через час он сидел и тяжело дышал. Вот он зараза все-таки. Знал себя, поганец, знал и защитился так, что черта с два вскрыешь этот фаервол! Но если кто-то и был в этом круче Алекса, так это он же, спустя несколько лет практики, учебы и инноваций. Он знал ход своих мыслей, знал, как предусмотрел защиту от собственной хитросделанности, и вот, глубоким утром, когда вся чертова ночь прошла в труде и рефлексии, он снова сидел перед открытой поисковой строкой той самой соцсети, с занесенным курсором и решался нажать. Сидел, сидел. Встал, прошелся по комнате, с отчаянным мычанием потер усталое, колючее лицо, умылся, запустил кофемашину.

– Ну давай, твюмть, че ты трус-то такой? – злился он на себя. – Ты же все уже видел!

Он зарычал, сел и долбанул пальцем по кнопке мыши, запуская поиск. Даже миниатюра ее аватарки в кружке сантиметр диаметром заставила сердце пропустить удар. Ну или так показалось. Решительный клик. Позорище какое, сидит, трясется, как шлюха у венеролога.

Вот. Снова это фото, только теперь на большом экране, так крупно, что можно поры разглядеть на щеках того мужика. Лекса передернуло от ненависти, и он перевел взгляд на ее лицо. Такое родное и такое незнакомое. Перевел и замер, всматриваясь в каждую черточку портрета той самой женщины.

Альбина выросла очень похожей на мать. Алекс с детства помнил высокую, элегантную, стройную женщину. Когда она входила в класс на собрания, все мужики замирали. Теперь при виде ее дочери замер Алекс. С экрана она смотрела на него, слегка склонив голову набок, и нежно улыбалась сомкнутыми, мягко очерченными губами, крупными для такого типа лица, но не пухлыми, как подкачанные у косметолога «уточки», а будто нарисованными акварелью.

Острый подбородок, высокие скулы, ровный нос и глаза эльфа. Огромные, серые, прозрачные, глубокие до такой степени, что у Лекса начиналось головокружение, будто он стоит на краю крыши небоскреба и смотрит вниз. Бесцветная, выпуклая родинка над губой, округлый изгиб бровей, высокий, чистый лоб. И шелковистая волна гладких платиновых волос, падающая на длинную, тонкую, гибкую шею. Эльфийка из средиземного леса. Фея. Инопланетянка. С кем еще сравнить ее изящный, вытянутый силуэт. Когда он увидел ее впервые, у него перехватило дыхание, сейчас это снова произошло.

Он смотрел и смотрел на нее, во все глаза. Потом оторвал от брикета желтый стикер и прилепил поверх физиономии соседа по фотографии и буквально потерялся во времени, узнавая каждую черту лица, что снилось ему так часто, не обретая четкости и цвета. Вспоминая, как она выглядит счастливой, испуганной и взбудораженной, как плакала и смеялась, как розовели щеки, когда он тянулся к ее руке, тонкой и слабой, как у цыпленка, сжимал и грел в своих горячих лапах. Он очнулся, когда заметил, что перестал дышать. Глубоко вздохнул и моргнул наконец.

– Ну штош, – сглотнул он, – на этом этапе разочарования не произошло. Чего и следовало ожидать.

Он отвел глаза и быстро переключил вкладки. Окинул взглядом собственную страницу. Ехидная кривая ухмылка в три четверти, хитрый прищур с лучиками от края глаза, двухдневная щетина и шевелюра, пятерней зачесанная назад, с непослушно свисающими надо лбом прядями, как бы говорящими «обломись» любым попыткам привести себя в порядок. Нормально, она узнает старого друга с первого взгляда. Он открыл личные сообщения и занес ладони над клавиатурой. Завис.

А может, лучше пусть не узнает? Тогда есть шанс добиться ответа, разговорить и лишь тогда признаться, что это он. Ведь если узнает и не ответит... ох, лучше не думать.

С другой стороны, тот период развития интернета, когда все отвечали любому незнакомцу на попытки познакомиться в мессенджерах, остался в далеком прошлом, и шанс получить ответ на «привет» левому мужику от девушки в отношениях стремился к минус бесконечности. Да и не общительная она, это он хорошо помнил.

Надо писать самому, это ясно. Но как же страшно! Злясь на себя, он надолбил на клавиатуре: «Привет, помнишь меня?» и нажал на отправку прежде, чем мозг подключился к процессу. А как только подключился, так немедленно вынес хозяина из кресла и заставил ходить по комнате взад-вперед, поглядывая на часы. 7:15, сна за сегодня ноль часов ноль минут. Он не питал иллюзий, ожидание будет мучительным.

Но вопреки ожиданиям все прошло не так уж и страшно. Он пометался минут десять, сел обратно к монитору, всмотрелся в свое непрочитанное, будто пытался отыскать там ошибку или что-то лишнее, а в следующее мгновение вздрогнул и проснулся от звука входящего сообщения. Он оторвал тяжелую голову от сложенных на столе, затекших рук и с трудом сфокусировал зрение на экране. 9:32. На экране светилось ответное:

«Привет» пользователь пишет сообщение...

Глава 3

Мы с Альбиной пошли в школу с разницей в год. Но сначала моим родителям предстояло убедиться, какое чудовище они породили. Я не собирался идти в первый класс без нее. Сидеть за одной партой – все, что я хотел знать о школе, а иначе нужна она была мне как ослику политика. Я и уперся как ишак. Ни уговоры «по-хорошему», ни ремень, ни слезы мамишки не могли изменить мое решение: нет и все.

– Какой позор! В первый класс в восемь лет. Все скажут, что у меня сын второгодник! Или ЗПР, – бушевал отец, – хочешь, чтобы тебя считали дебилом?

– Мне все равно, – бычился я, сносил подзатыльники со стоицизмом Павки Корчагина под пытками и не отрекался от революции.

Меня пытались вразумить даже родители Альбины. Две семьи сплотились против одного упертого семилетка, и только она сама вместо уговоров, которые обещала своим родителям, взяла с меня клятву, что я не сдамся. И я не сдавался. Не сдавался даже когда отец силой волок меня, упирающегося, красного от натуги, на линейку. Что еще я мог противопоставить всемогущим взрослым? Упрямство, слезы, бунт?

В том бою я проиграл и успокоился, только когда увидел, что возле школы, в толпе родителей вместе с мамой стоит Альбина. Она была в нарядном платье, белых гольфах и огромных шарообразных бантах в аккуратной прическе. Грустная, но решительная. Она протянула мне руку, и я вырвал красную от борьбы ладонь из руки отца, подошел к ней и крепко сжал ее прохладную ладошку в горячей своей, вторым рукавом размазывая подкатившие злые слезы.

– Я останусь на второй год, – пропыхтел я ей на ухо, и она одобрительно кивнула.

Но это оказалось не так-то просто. Вернее, в начальной школе оставить на второй год могли разве что по причине полной неявки ученика на уроки, но каждое утро отец лично приволакивал меня в класс и сдавал на опыты из рук в руки учительнице. А поначалу плохо учиться у меня не получилось.

С первого же урока выяснилось, что из семи учеников, что умеют читать, у меня получается лучше всех. Мало того, я и писать умел и считать, а притвориться, что разучился, было и поздно, и актерского мастерства не хватило. Так что я сразу же угодил в категорию способных, но ленивых, кто может, но не хочет. Домашку я не делал, но выходил и отвечал у доски экспромтом, выхватывая закономерное «отлично», а потом сидел и злился на себя.

А еще мне попалась дьявольски хитрая учительница. Она быстро меня раскусила, да и отец изложил ей все мои цели и мотивы, и нашла тот единственный рычаг, который срабатывал на мне безотказно: соревновательность. Я не умел проигрывать. Поэтому она повадилась устраивать эстафеты, награждать лучших учеников звездочками, ставить флажок на парту победителей недельного соревнования. И я в пылу конкуренции хватал звезды, а потом сидел и злился на себя, потому что мое стремление выскочить выше других играло против моей главной цели.

Все, что я мог противопоставить своей природе и бесчеловечной образовательной системе – это чудовищное поведение. В классе я буквально стоял на ушах. Кто швырялся меловой тряпкой? Вольский! Кто изрисовал учебное пособие фломастером? Вольский. Кто смеется на уроке, поет после звонка, кто подрался? Снова я. Кончилось тем, что я похитил рейтинговую таблицу учеников, где лидировал и на этот раз, вынес из школы и сжег в мусорке у крыльца. Следы преступления нашел охранник, и ни у кого не возникло сомнений, кто здесь вандал. Мой отец снова краснел перед учительницей, мой зад краснел перед ремнем, а лидерский флажок достался следующей за мной по успеваемости ученице, и я выкинул его в окно.

Тогда учительница оставила меня после уроков на разговор, села со мной за парту и заговорила о любви.

– Я должна признаться, что очень уважаю твой характер, Алексей, – сказала она, – немногие люди способны на такие поступки ради любви.

Я упрямо молчал, надутый как рыба-еж.

– А еще ты очень умный мальчик, и я хочу, чтобы ты внимательно меня послушал. – Она положила сухую теплую ладонь на мою руку, и я раздраженно отдернул свою. – Невозможно остаться на второй год до пятого класса. Как бы ты ни старался, ничего не получится. Зато твоя подруга уже через год будет учиться в соседнем кабинете. Понимаешь? Вот через эту стенку. И после звонка ты сможешь видеть ее каждый день.

Я навострил уши.

– Ты должен знать, что все, что ты сейчас делаешь ради любви, вам вовсе не помогает. Любовь – это чувство, которое делает человека лучше. Ты должен думать о том, как доказать свою любовь. Как рассказать о ней, сделать что-то хорошее для любимого человека, а не против всех остальных. Понимаешь?

– Я клятву дал, – пробухтел я в ответ.

– Какую клятву?

– Что не сдамся.

– И ты ее выполнил. Ты ведь не давал клятву, что у тебя получится? А сейчас я дам тебе кое-что, – она положила на стол небольшую книгу, – это сборник лучших стихов о любви. Прочти и поймешь, что с тобой происходит. Любовь – это большой дар, и ты получил его. Тебе повезло, бережно храни ее и будешь счастлив всю жизнь.

Лучше бы я серьезнее отнесся к тем ее словам.

Через год на линейке я сиял как новый чайник. Рядом со мной в отглаженной школьной форме и бантах стояла Альбина. В руках у нее был огромный букет, и я с нетерпением ждал, когда она отдаст его учительнице, чтобы взять ее за руку. А на ее первом классном часе сбылась моя мечта. Мы сели за одну парту. За моей же через стенку сидел отец.

Тогда же я познакомился с одноклассниками Аль. Ну как познакомился. Я на год старше, главный негодяй начальных классов, выше всех на голову, просто построил малышня, посмотрел тяжелым взглядом и сказал как можно суровей: «Кто ее обидит – убью!» и показал кулак. Эффект это имело ровно противоположный. Своим присутствием я привлек внимание к ее персоне всех зловредных полуросликов. С того дня все говорили только о ней. Половина класса в нее перевлюблялись, вторая испытала скрытую и явную враждебность.

В любом случае ни одной подружки она не завела, а ухажеры действовали известным методом для малолетних обезьян: нравится девочка – дай по башке учебником, дери за волосы и кидай ее вещи по классу. Да я и сам всех юных джентльменов, позволяющих себе попытку принести конфетку, донести портфель или проводить до дому, разгонял подзатыльниками и крутил уши, зажимая в углу. Жалобы на мое поведение ливнем обрушились на директора, а мы с отцом стали постоянными подсудимыми на родительских собраниях.

Помню самое первое, которое грянуло через полтора месяца после начала учебного года. Прозвенел звонок, и меня вихрем вынесло из кабинета. Я всегда собирался за пять минут до конца урока, чтобы встретить Альбину на выходе из класса. Училась она и впрямь через стену, так что я застал первых же детей, выходящих в коридор. Три девочки увидели меня, переглянулись, зашептались и удрали. Я насторожился. Вслед за ними выглянул мальчишка и с присущей малышне бестолковостью отпрянул и заорал: «Он здесь, он здесь!» И побежал вглубь кабинета. А это уже было тревожно.

Я открыл дверь и вошел. От парты Альбины прыснули в стороны пацаны. Она сидела, уронив голову на руки, и плакала. На моих глазах с заднего ряда пролетела губка для доски и отскочила от ее макушки. Мои глаза налились кровью. Я рванулся в сторону меткого стрелка,

и малышня, как плотва, с визгом бросилась врассыпную. Он петлял от меня между партами, и пришлось погоняться, закипая все сильнее, пока не загнал в угол и не схватил его за загривок. Мальчишка попался отчаянный, смелый, сразу принялся пинаться, отбиваться, и я с силой придавил его спиной к стене.

– Что ты сделал? – рявкнул я так, что малышня притихла. – НУ?!

– Он плюнул на ее рисунок, – заложила его мелкая девчонка, по интонации явно жуткая ябеда. – И кинул в нее губкой!

– Что-о-о-о-о? – я задохнулся от гнева.

Альбина любила рисовать, и это у нее здорово получалось, в отличие от меня. Она бережно хранила все свои рисунки в специальной полке. Дарила мне свои творения, я их тоже складывал и пересматривал. Это всегда был для нее способ выразить свои чувства, и только что в эти чувства наплевали! Ох, как я разозлился!

За шкуру я подтащил его к парте Альбины и посмотрел на заплеванной рисунок. На нем были мы: две детские фигуры посреди одуванчикового поля, которые держались за руки. А само место соединения наших ладоней напоминало клубок из разноцветных ниток с исходящими в стороны лучами, как от солнца. Как это было похоже на то, что я ощущал, когда брал ее за руку! И как же меня ударило тем, что какой-то мелкий пакостник посмел оплевать наши светлые чувства. О-о-о-о, я хотел его уничтожить!

– Извиняйся! – рыкнул я, хватая его за шею у основания черепа.

Альбина подняла заплаканное личико от парты и испуганно уставилась на нас. Я думаю, извинения были ей не нужны. Это я хотел сатисфакции. От злости, от бессилия как-то исправить ситуацию я делал, что мог.

– Не буду! – тявкнул поганец.

Я схватил его за ухо и принялся методично выкручивать, пока он не завизжал.

– Извиняйся, сказал! – я толкнул его вперед так, что он навис лицом над рисунком и уперся руками в стол, изо всех силенок сопротивляясь моей удерживающей силе. И в этот момент в класс вошла учительница.

– МарьИванна, МарьИванна, – да не помню я, как ее звали, – скажите ему-у-у-у-у! – заверещал мальчишка.

– Вольский! Немедленно отпусти Огаркова. Все ваши конфликты можно разрешить словами, – поддержала его учительница, направляясь к нам по проходу.

– Не отпущу, пока не извинится, – упрямо процедил я сквозь зубы.

МарьИванна подлетела ко мне и схватила за плечо, пытаясь оттащить от Огаркова, и я, вырываясь, дернулся вперед.

– ВОЛЬСКИЙ! – она повысила голос и усилила хватку.

– Леша, – испуганно выдохнула Альбина, и я отчаянно дернулся изо всех сил.

Я бы хотел посмотреть на видеозапись того эпичного замеса. В рапиде, под музыку из «Мортал комбат» и со всплывающей горящей надписью Double kill, но, к сожалению, как это выглядело со стороны, я никогда не узнаю. Изнутри своего черепа я вообще не понял, как вышло так, что училка отлетела назад и села на задницу, скорее всего, она так потянула меня к себе, что, когда плечо выскользнуло из ее пальцев, потеряла равновесие и жახнулась об пол копчиком. А я с ускорением качнулся вперед и впечатал злодея моськой прямо в рисунок. Из его носа хлынула кровь, заливая нашу с Альбиной идиллию в одуванчиках. Огарков заверещал на ультразвук, остальные дети застыли в немом ужасе.

Я тут же выпустил жертву из рук и отступил назад на пару шагов, понимая, что теперь уж точно крепко влип. МарьИванна орала, Огарков ревел, кровь из носа залила ему всю форму на груди. И только одно спасло меня от панического бегства. Альбина выскочила из-за парты и юркнула ко мне за спину. Обе ее ладошки обхватили мою руку и крепко сжали. И меня отпустило. Я знал, что прав. Получу так получу.

Еще бы не получить! Окровавленный рисунок как боевой трофеей я забрал домой. На нем мы с Альбиной дрейфовали в кровавом море, держась за руки.

Отцу позвонили из школы, и он приехал с работы на час раньше. Между ними с мамой, видимо, было решено, что укрощение мелкого вредителя он возьмет на себя, потому что первым, кто со мной не справлялся, была именно она. Отец пока не справлялся тоже, но не переставал пытаться.

Мы с Альбиной сидели в моей комнате и прощались с жизнью. За такое мне должно было отскочить небывалым возмездием. От предвкушения все внутри тряслось. Она даже всплакнула, но быстро перестала, когда увидела мой отчаянный вид. Да, меня убьют, но виноватым себя я не почувствую. Это я знал твердо.

– АЛЕКСЕЙ! – раскатистый голос отца был страшен. Кажется, даже стекла задрожали, а уж я-то...

Я со смертной тоской посмотрел на дверь и, когда та распахнулась, увидел ремень в его сжатом до белых костяшек кулаке.

– Альбина, немедленно домой! – рявкнул отец.

И тут произошло небывалое. Моя маленькая невеста вскочила с края кровати, где сидела рядом со мной, и заслонила меня своим хрупким тельцем. Это было как отбиваться от быка пушистым одуванчиком, но ее не смутило. Она встала перед отцом и громко, отчетливо сказала:

– Он не виноват!

Отец аж осадил и уставился на нее, как будто с ним заговорила фарфоровая статуя.

– Огарков надо мной смеялся! Их было трое, а я одна. Он плюнул на мой рисунок и бросил мне в голову меловой губкой, а остальные смеялись. Леша просто хотел, чтобы он извинился. МарьяИванна сама его схватила, потянула и упала сама! Леша ее не толкал! – Она кричала сквозь слезы.

– А почему мальчик в крови? – уже спокойнее уточнил отец.

– Он случайно носом об стол ударился, из-за МарьяИванны, – тоже спокойнее всхлинула моя защитница.

А я сидел, смотрел в ее решительную спину, и от восторга и адреналина у меня все расплывалось перед глазами. Я впервые увидел ее такой и впервые начал догадываться, что мои чувства, скорее всего, взаимны. И это было так круто, что я забыл о страхе, которым только что сводило живот, и о дрожащих коленках забыл. В тот момент я чувствовал нас единым целым. Одной командой против всех.

А потом был подробный допрос: где я был, что видел, что сказал и сделал, и ремень в ход так и не пошел. Но я рано радовался, что удалось открытаться. Ради нас объявили внеочередное собрание, где должны были быть обе наши учительницы, мой отец, я, Альбина с мамой и родители остальных детей ее класса. Нас явно ждал суд Линча. Жаль, не Дэвида Линча, потому что в том цирке, что устроили эти люди, не хватало только карлика, играющего на скрипке.

Меня поставили перед доской, хорошо не на табурет, и взрослые люди принялись упражняться в навыках травли. Как меня только ни называли! И малолетним бандитом, и деградирующим поколением, и беспощадной машиной убийства. Мне припомнили все подзатыльники, угрозы и накрученные уши. Всплыли прошлогодние подвиги и оптимистичные прогнозы на будущее, в котором я уголовник, наркоман и убийца. Когда дошло до того, что сегодня я разбиваю носы одноклассникам, а завтра дворняжку расчлению на заднем дворе, я уже едва держался.

До сих пор вспоминаю и дико злюсь на ту ситуацию. Да, я задира, да, поведение ни к черту, но перед всеми этими людьми, а их было не меньше двух десятков, стоял восьмилетка. Ребенок! Напуганный и беззащитный. И все, о чем я мог думать в тот момент – не зареветь!

Это было все, на что хватало моей щенячьей воли. Я чувствовал себя самым ужасным и самым напуганным человеком на земле. Как маленький звереныш, стаяй загнанный в угол. Так себе ощущение. До сих пор мороз по коже.

И когда дошло до детской комнаты полиции и органов опеки, которым следует быть в курсе семейной обстановки, что порождает таких монстров, ведь дети никого не бьют, если их не лупят дома, наконец вмешался мой отец. Он резко встал, со стуком вколотив ладони в парту, и оглушительно произнес:

– А теперь я выскажусь. – Он вышел из-за стола и встал рядом со мной, положив руку мне на плечо, и сразу нахлынуло такое облегчение, что в тот момент я был максимально близок к тому, чтобы в слезах вцепиться в его ногу.

Чтоб вы понимали, мой отец – это двухметровый человек со внешностью Александра Абдулова. Он одновременно вызывал уважение и симпатию, был очень умным, начитанным и воспитанным человеком. Но сейчас я видел, каким белым стало его лицо.

– Мой сын виноват во многом из того, что о нем сказали. Но в первую очередь виноват в этом я! Это я научил его упрямо идти к цели, отстаивать свои принципы и защищать то, что ему дорого. – Его огромная рука сжала мое плечо. – Не всегда дети правильно выбирают методы, но я уверен в одном. Защищая девочку, Алексей добивался извинений. Чего добивался ваш сын, когда плевал в рисунок одноклассницы и швырял в нее предметы? – Он уставился пронизывающим взглядом в глаза матери Огаркова.

В классе повисла тишина.

– По какой причине педагог отсутствовал в классе сразу после звонка и что за отношения выстроены в детском коллективе, если мальчики позволяют себе втроем травить девочку?

– Она могла сама дать отпор, – донеслось с левого ряда, где сидели родители одного из сообщников. – Девочку никто не бил!

Тогда из-за стола встала мама Альбины. Сама же она сжалась на стуле и сидела, глотая слезы.

– У девочки есть защитник, – сказала она спокойным голосом, – он дал отпор. Достаточно ли этого для того, чтобы ваши сыновья оставили мою дочь в покое?

И финальным аккордом расправы вперед вышла моя учительница.

– У Алексея есть замечания по поведению, но он никогда не провоцирует драку. С Альбиной у них очень трепетная дружба и, боюсь, если остальные мальчики продолжат обижать ее, мы еще не раз соберемся по этому поводу, потому что никто в этом кабинете не остановит его в борьбе за ее честь. Мальчик вырастет настоящим мужчиной, если мы не будем наказывать его за мужские поступки.

– У моего сына вся рубашка в крови – это вы называете мужским поступком? – взвизнула мать Огаркова, которая несколько потеряла кураж после атаки отца, но на глазах возвращала себе боевой пыл.

И снова начался птичий базар. Полетели обвинения в сторону Альбины, которая неизвестно чем еще заслужила такое обращение, может она обзывалась, а может сама кидалась чем-нибудь и мальчики справедливо мстили.

Отец наклонился ко мне и тихо произнес в ухо: «Уведи Альбину» и я стартовал, как из пушки. Подлетел к ней, схватил за руку и выволок из кабинета, а в коридоре мы оба перешили на бег и остановились только в пустом и темном школьном дворе. Задыхаясь, мы молча смотрели друг на друга, освещенные желтым сиянием высоких школьных окон. А потом она качнулась ко мне навстречу и обхватила руками за пояс. А я в ответ неловко обнял ее за плечи и замер, захваченный острым ощущением счастья.

Сердце Алекса скакнуло. Ответила! И его окатило волной адреналина.

Пользователь писал сообщение так долго, что Алекс надеялся увидеть сочинение на пол-страницы. Вместо этого на экране появилось:

«Конечно узнала».

Он посмотрел на этот смайлик, закрыл глаза и представил, как она ему улыбается, и глазам своим не поверил. Просто взяла и ответила! Улыбнулась. А ЧТО, ТАК МОЖНО БЫЛО? Чуть не завопил он и бросился строчить нелепое и неловкое:

«Отлично выглядишь, совсем не изменилась! Как дела?»

Завязался бестолковый разговор. Оба будто не знали, что сказать, с трудом выдавая дурацкие фразы вроде «сколько лет прошло» да «рад, что все хорошо». Она часто отвечала односложно, но Лекс скорее мышью бы проглотил и за провод назад ее вытянул, чем оставил бы любую ее, даже самую тупиковую фразу без ответа. Писал сразу, будто боясь, что она уйдет и перестанет отвечать еще лет на семь. Альбина же могла отозваться через минуту, могла через пять или двадцать пять, но главное отвечала.

«Слушай. Прости, что спрашиваю...»

«С ума сошла? Спрашивай что угодно!»

«Как твои чувства... Ну помнишь, в школе? Я беспокоилась о тебе, ты так пропал. Я надеялась, это потому, что все прошло и ты не вспоминаешь меня плохо».

Лекс замер, перечитал и с тяжелым вздохом спрятал лицо в ладони и потер его, горящее от возбуждения и напряжения. Было понятно, ей не хочется иметь дело с сумасшедшим поклонником, Аль надеется, что он облегчит ее совесть и скажет, что мысли о ней и любовь не мучили его все эти годы. Что она не разбила ему сердце и что он справился, как все нормальные люди, с глаз долой, из сердца вон. Откуда ей знать, что он вообще не нормальный? И даже не начинал.

«Как я могу вспоминать тебя плохо? Я давно перебесился. Юношеский максимализм, гормоны, легкая степень слабоумия, знаешь ли. У меня о тебе только светлые воспоминания».

Даже почти не соврал. Старый сосед по подъезду, мальчик из песочницы, фигура из прошлого. Просто появился, просто любопытный и совсем не имеет намерения врывать в чужую жизнь и чему-то мешать. Наблюдая за тем, как пользователь пишет сообщение, Алекс скрипел зубами. Конечно, на что он рассчитывал? Не нужны ей его чувства, и он сам не нужен.

Лекс сидел и испытывал иррациональное разочарование, как будто ожидал получить в ответ «Слава богу, ты написал! Забери меня скорей отсюда!», а вместо этого вынужден убеждать ее в собственной вменяемости. Впрочем, у нее масса оснований опасаться и даже не поверить ему ни на шиш. Но она поверила.

«Я рада, – пользователь помолчал и добавил: – Я переживала».

Он слегка улыбнулся, испытывая легкий привкус садистического удовольствия оттого, что его, оказывается, не выкинули на помойку памяти, чтоб не вонял, а все же время от времени доставали откуда-то из темного угла, чтобы попереживать.

«Не стоило. Ты светлое, невинное существо, не омрачай свои мысли страданиями чело-веков».

«Почем тебе знать, что светлое, да еще и невинное?»

Это что-то новое. Не понимая пока, напрягаться или удивляться, Лекс настроил:

«Вотэтоповорот! Однако за время пути собачка могла подрасти. Черт, так интересно!»

«Знаешь. Ты когда опекал меня в детстве, ну такой герой без страха...»

«И мозгов», – добавил герой.

«Ну нет, просто ты как маленькая, но каменная стена меня заслонил от реальности, и я могла не взростеть. Быть таким наивным цветочком без связи с реальностью и за твой счет. А когда это закончилось, мне поневоле самой пришлось справляться с жизнью. Нелегко было, но полезно».

Ого, какой текст. Лекс сидел и понять не мог, то ли это комплимент, то ли, напротив, он чуть не угробил человека своей тотальной заботой. Он действительно помнил, что почитал ее совершенно беспомощным существом, и немало адских деньков пережил, рефлексировав на тему «Она без меня пропадет! Ее белки сожрут в лесу». А вот не пропала, справилась, и, действительно, прав Семен, все эти годы кем-то становилась, кто ему не знаком.

«Что скажешь насчет посидеть в кафе? Расскажешь, как справлялась с этим беспощадным миром». Написал, как в прорубь нырнул. И пока ждал ответа, уронил голову в стол и скрестил пальцы. Согласись, согласись!

Пользователь долго молчал. Алекс чуть не рехнулся от напряжения. Но все нервы были впустую. Ответ отбросил его разыгравшееся воображение в стену.

«Прости, не стоит. Давай лучше так, ладно?»

Бойтся меня, не доверяет, помнит, какой я дебил! – пронеслось в голове у него, и все внутри обрушилось и смялось в лепешку об асфальт. Как же нестерпимо горело в груди! Он бы все до единого «конечно, давай» от других променял на одно «с удовольствием» от нее. Ни одна из тех, на кого он положил глаз, рано или поздно не смогла ему отказать. А Альбина всегда могла. И вот опять.

«Ладно. Расскажи, как живешь? Где работаешь?» Если бы он говорил это голосом, то, наверное, звучал бы так, будто у него припадок преувеличенной бодрости.

И она начала рассказывать, что трудится офис-менеджером в большой компании, платят неплохо, жить можно, но работа скучная и не творческая. И никакой карьерной перспективы. – А как же худграф? – возмутился Вольский вслух.

Он-то был уверен, что Альбина пошла по призванию, стала художницей, дизайнером каким-нибудь на худой конец. Любая попытка представить ее взрослой рисовала ему картину, как она перед мольбертом или планшетом с одухотворенным лицом выражает свои чувства. А тут офис-менеджер... секретарша, что ли? Может, тот мужик – ее начальник? Секретарей с такой внешностью известно зачем нанимают. Воображение потащило его в какую-то пылающую бездну, и он усилием воли остановил себя.

Не надо сочинять то, чего нет! Волнами ревности и без того накрывало так, что того и гляди за борт вынесет. А этот слон в комнате в виде второго лица на ее аватарке все стоял, мешал, вонял, и оба они, будто в сговоре, делали вид, что это просто такой экспериментальный дизайн интерьера.

«А ты кем стал, когда вырос?»

Алекс кисло наколотил текст о том, как программировал на весь факультет за деньги, как выиграл конкурс и его рвали между китайской и американской корпорациями, пока Семен приводил клиентов. Талантливый кодер отложил судьбоносное решение до выпускного. А к нему он подошел уже с функционирующей компанией, занудным партнером, который любит умничать, и с тремя сотрудниками. Обе корпорации были сброшены со скалы, а он ушел в себя и в бизнес.

«Я не сомневалась, что ты всем покажешь», – ответила она на это. – Все всегда происходило вокруг тебя».

«Нет, это я со всеми происходил».

– Уж с тобой-то точно, – пробурчал он вслух, но не дописал.

«А семья?» Слон в комнате нагадил кучу размером с тумбочку.

«Матушка умерла пять лет назад, отец огородничает, сестра на Урал уехала с мужем еще до локдауна».

«Я имею в виду жена, дети».

«Наверное, есть, но я с ними пока не познакомился».

В ответ полетели смеющиеся смайлы. И, не дожидаясь вопроса, она сказала сама: познакомься, это слон.

«А я год назад вышла замуж. Детей пока нет, но мы бы хотели».

Год. Мы. Это был нокаут. Алекс откинулся в кресле на спинку и резко оттолкнулся ногами от пола и отъехал на несколько метров назад, будто из монитора ему в лицо плеснули кислотой. Он ее даже чувствовал, только не лицом, а всеми внутренностями, что горели и плавилась изнутри грудной клетки. Стало трудно дышать. Лекс ударил кулаком в грудь и попробовал глубоко вдохнуть. Воздух не проходил. Твою мать!

Он начал часто, поверхностно дышать. Вскочил, прошелся по комнате. Зажмурившись, он видел ее сияющий силуэт в солнечном луче. У нее была другая судьба. Другая! Выйти замуж за него, быть художницей, пусть бы за это не платили, но она могла бы творить, создавать что-то прекрасное. Ему родить ребенка. Такую же девочку, как сама. Такую же точно. Лицо горело, резало глаза.

– Не смей! – зарычал он сквозь зубы, впиваясь в лоб пальцами. – Не вздумай, твюмть!

Зарычал от нестерпимой боли. Может, это insult? – подумалось с облегчением. Подохну тут один и все кончится? Он повернулся к зеркалу, в надежде увидеть асимметричную улыбку, но на него скалился полубезумный, больной человек с лихорадочно горящими глазами. Лекс отшатнулся. Сам себя напугал. Он вылетел из комнаты и прямо в одежде вошел под ледяной душ. Его окутало струями тропического ливня, по лицу побежали холодные капли, тело сжалось, затряслось, наконец он сделал судорожный, глубокий вдох.

Он не понимал, что с ним, почему так больно? Как вообще такое бывает? Это же ненормально! Несправедливо, черт возьми. Не должно так быть.

Нет, к черту, дурная была затея. Он убедился, что образ, сочиненный в голове, с оригиналом не совпадает. Убедился, что не состоится сценария, когда он в самый распоследний момент вбегает в ЗАГС и с истошным криком в прыжке выбивает у нее из пальцев ручку, занесенную над свидетельством о браке. Отбивать ее поздно. Соблазнять противозаконно. А наблюдать за всем этим невыносимо больно. Бежать! Забыться. Никогда больше не писать и не видеть. Никогда... никогда!

Стоило Лексу принять решение, как ледяные струи стали невыносимы. Одежда мерзко липла к телу. Он трясущимися руками выключил воду и с остервенением содрал с себя мокрые шмотки.

– Тоже мне, Ипполит нашелся. Псих ненормальный, – зло шипел он, растираясь сухим полотенцем до красноты, – гляди-ка, табличка: «Не влезай, убьет». А давай влезу, посмотрю, что будет. Человек, который лизнул перила в мороз и поссал на оголенный провод. Тупой и еще тупее. Идиот недоделанный.

Он переоделся в сухое и осторожно подступил к компьютеру, будто к спящему доберману. На экране светилось:

«Леш...»

Сейчас так его называла только она. Сколько лет он вздрагивал от самой простой версии своего имени, пока не вытравил из окружающих эту дурную привычку.

«Прости, позвонили, – наврал он, стараясь не соскользнуть взглядом строчкой выше. – Мне пора бежать. Рад был пообщаться, Аль, хорошего дня». Сказать такое было равносильно тому, чтобы в ломке отложить заправленный шприц с наркотиком. Интересно, а так ее кто-нибудь кроме него называет?

«Взаимно. И тебе хорошего дня».

Лекс свернул окно диалога. Впереди было самое сложное: развидеть, раздумать, отпомнить это обратно. Провернуть фарш назад. Возможно ли это? А черт его знает, но он не перестанет пытаться...

Полтора месяца спустя он все еще чувствовал себя попавшим под поезд. Теперь, когда он развязал эту многолетнюю голодовку и дорвался до своего наркотика, отвязаться от нее совсем

не было никакой физической возможности. Он думал о ней постоянно. Все свое время посвящая борьбе с собой, чтобы не написать, не задать идиотский вопрос, не ввязаться в бессмысленную пустую переписку о делах, погоде и работе. Но от любых букв, прилетевших с ее аккаунта, он испытывал мазохистский кайф. Даже если она писала: «Дела никак, ничего нового», он испытывал противоестественный прилив эндорфинов и восторг. Сам на себя злился, тыкал себя мордой в работу, в спортзал, в кино или книгу, но уже через полчаса ловил себя на мысли: «Надо ей рассказать».

И никакого от этого толку не было. На встречи она не соглашалась, он предпринял еще пару разочаровывающих попыток. О своей семейной жизни говорила с теплотой и оптимизмом, и как он ни искал повода прикопаться, зацепиться и раскрутить ее на какие-то сомнения и сожаления – так ни разу и не преуспел. Все это больше походило на объятия с кактусом. Он терся об него, собирая все иголки под кожу, в надежде, что однажды он облысеет и больше не будет так больно. Но кактус все не лысел, а Вольский не сдавался. Куда ему было деваться? И так ясно, что пропащий он человек.

Все его Леры, Лизы и немало прочих потеряли своего любовника. Не дописывались, не дозванивались, обижались. Он как мог извинялся, просил понять, но объяснить толком ничего не мог. Стремно было признаваться, что вот этот человек, который не демонстрировал ни малейшей заинтересованности в отношениях, завязал хозяйство узелком из-за какой-то зазнобы из детского прошлого. Он и сам бы со стороны счел это распоследней тупизной и рекомендовал бы пациенту погрузиться в разврат.

Только вот засыпал и просыпался он с возбуждением весьма определенного порядка, и картинки, которые рисовал его измученный безнадегой и воздержанием мозг, он бы Альбине не пересказывал, а то бы точно угодил в пожизненный бан.

И вот он сидит в глубоком мягком диване в попытке утопить свою тоску в стакане. Вокруг грохочет музыка, в мелькании разноцветных огней танцуют люди, тела девушек извиваются, а тела парней пытаются к ним прислониться, впрочем, они никогда его не интересовали.

Интерьер заведения мягко и ненавязчиво намекал, что в таком притоне приличным людям не место. А Лекс и не был приличным. За то, что он тут прохлаждается, и ему, и всем этим горячим дамочкам светила административочка, а владельцам вертепа и вовсе каторга. Именно поэтому ни шика ночных клубов прошлого, ни приличного меню, ни хотя бы пары сотен посетителей здесь не наблюдалось. Три десятка «своих» и долбаный квест на входе в бывшее бомбоубежище.

В углу помещения торчала турбина, окрашенная в желто-черные диагональные полосы, барная стойка была сложена из зеленоватых кубов толстого стекла, какие любили в советских учреждениях. Под потолком извивались оранжевые трубы с отстойниками, стены были покрыты художественной росписью из сюжетов Марвел, а мебель явно собиралась по помойкам. Собственно, именно поэтому Вольский теперь и ощущал себя здесь на своем законном месте.

Он был даже не пьян. Вертел в руках отвратительное пойло, в горло оно не лезло, а другого здесь не подавали. Тосковал как Блок и предавался размышлениям о том, может ли он считать себя самым депрессивным человеком в самом депрессивном месте самого депрессивного города всея Руси? Второе место его не устраивало.

Ход его мыслей прервался неожиданным падением некоего физического тела в область бедер. Алекс подскочил, расплескивая треть бокала по дивану, и залил сладкой гадостью себе рукав.

– Да вашу ж машу! – воскликнул он, удерживая стакан на вытянутой руке и с отвращением чувствуя, как тягучая капля ползет от запястья к локтю.

– Упс! Любимый, прости, кажется, я перебрала. – Девица у него на коленях улеглась поудобнее и засмеялась. У нее были пушистые выющиеся волосы, отливающие рыжиной, задорные веснушки и волнующее декольте.

Алекс отставил бокал и брезгливо закатал рукав рубашки. Виновница катастрофы тут же ухватила его липкую руку и принялась обсасывать пальцы, да с таким аппетитом, что у него мурашки по всему телу побежали. Вторую пятерню он запустил ей в лохматую прическу. Наблюдать за мастерством и энтузиазмом рыжей было приятно. Может быть, это как раз то, что ему нужно? Почти два месяца минуло с тех пор, как он увидел проклятую фотографию, и с тех пор его постель была холодна. По-хорошему верность своей недоступной любви хранить он был не обязан и когда-то надо было приходиться в себя, возвращаться к видимости нормальной жизни. А то ведь и до психиатра недалеко.

– Ну здравствуй-здравствуй, друг прекрасный, – улыбнулся он, захваченный ощущением того, как она втягивает в рот его средний и указательный пальцы.

Конечно же, он знал эту бесстыжую. Ее звали Евгения, и она была из той исчезающе редкой породы девчонок, которые получали истинное удовольствие от того, чем она в данный момент занималась. За то и ценил. Наверное, Евгения была ниспослана ему небесами или тем, что пониже во искупление тягот и лишений, которым он подвергал себя последние дни. Почти не ел, очень плохо спал, много пил и не путался с женщинами. Страшное сочетание для надломленной психики, вот-вот сам себя и доломает. А пьяненькая девушка, да еще такая талантливая, как ни крути – лучшая компания в сложившихся обстоятельствах. И странно было, что она в таком настроении до сих пор не полезла к нему в штаны. А нет... вот уже и полезла.

Юркие пальчики рыжей развратницы быстро и уверенно расстегивали пряжку его ремня. От окружающих людей ее прятал край стола, да и атмосфера в заведении сложилась такая, что никто бы не удивился. Все его тут знали, ее знали тоже. Так что ничего необычного, пьем и пляшем. Однако необычно было другое... никакого энтузиазма по поводу приближающегося минета Алекс не ощущал. Причем не ощущал настолько, что когда наглая девица уже запустила ручку в расстегнутую ширинку, в страхе оконфузиться вскочил как ошпаренный с места, и она приложилась виском о сиденье.

– Эййй, – воскликнула она, – Лекс, ну ты чего? Обиделся? Возвращайся, я умею извиняться. – Ее озорная мордашка вынырнула из-за края стола, но только для того, чтобы опьяневшим взглядом проводить его спину сквозь толпу танцующих.

– Вот поросенок, – вздохнула она и, покачиваясь, вылезла из-за стола.

Алекс же вырвался из танцзала и заперся в туалете. Лихорадочно привел джинсы в порядок, отмыл руку и ополоснул лицо.

– Да что с тобой не так, братишка? – потрясенно выдохнул он своему отражению в мутном зеркале.

Распрямылся, закрыл глаза и вздрогнул. Перед внутренним взором вспышкой промелькнула картинка: Альбина с закрытыми глазами пальцами гладит свою шею и встряхивает волосами, как любят делать девушки в позе наездницы. Доля секунды, одно мгновение, и Лекса бросило в жар. «Лифт» тут же с ускорением устремился к верхнему этажу, да так резво, что голова закружилась.

– Да ну что ж ты будешь делать! – выругался он и вышел из туалета, чтобы немедленно угодить в лапы упорной Евгении.

Она поджидала его у порога, немедленно повисла на шее и впиалась в губы поцелуем, стоило ему появиться. Все, что он успел предпринять, это не дать ей втолкнуть себя обратно в туалет, потому что это было последнее место, где он хотел бы оказаться в складывающихся обстоятельствах. Она облизывала его язык, постанывая от нетерпения, а Лекс боролся с навязчивыми мыслями и уговаривал себя не сдаваться безнадежному чувству на съедение вот так сразу без борьбы. Да, стояк не на нее, но что теперь? Завязать с личной жизнью? Ходить и

подышать по женщине, которая надежно отгородилась от любых притязаний? Снова потерять пару лет на адские страдания? Ну нет!

Алекс втащил свою красотку в пустой по летней поре гардероб, теперь от общего коридора их отгораживал короткий простенок. Евгения вынырнула из глубокого поцелуя и, как вампирша, впилась горячими губами ему в шею.

– Ссст! – Он за волосы оттянул ее от себя.

Еще засос оставит, а он уже вышел из подросткового возраста для таких демонстраций. Злодейка сфокусировала на нем пьяный взгляд и нырнула вниз, встала на колени, влюбленным голосом мурлыкая что-то ласковое его ширинке, повторно взялась за ремень. В этот раз и «собеседник» в сознании, и бежать он был не намерен, лишь убрал от лица ее пушистую гриву, собрал в хвост и накрутил на кулак. А в следующую секунду закатил глаза и с шумным выдохом откинул голову на стенку, когда Евгения медленно и с удовольствием погрузила его в горячие и мокрые ощущения своего глубокого горла.

Алекс закрыл глаза и постарался ощутить что-то кроме физики, возбуждение, чувство причастности к происходящему, эмоциональной вовлеченности в процесс, от которого и приходил весь кайф. Но нет. Ничего. Открыл глаза и посмотрел на нее сверху. Порно отдыхает, высыпается. И снова никакого душевного подъема. Девушка, красивая, увлеченная любимым занятием, хочет его, получает удовольствие, а ощущения от этого, будто ему в поликлинике делают терапевтический массаж.

«Ну нет, нет...» – захотелось завить от ужаса. Лекс зажмурился и снова перед мысленным взором она... туманный образ, волна светлых волос, взгляд бездонных глаз снизу, Альбина там, где сейчас старалась совсем другая женщина. Короткая вспышка, и его окатило горячей волной из паха и вверх в горло, из которого вырвался звучный вздох. Евгения замычала, застонала в ответ, ускорила.

«Это тянет на приговор», – подумал он, но не успел даже как следует осознать глубину проблемы и отчаяться, как в кармане завибрировал телефон. Девушка на такие мелочи не отвлекалась, а его немедленно выхватило из потока. Он открыл глаза и снова понял, что выпал, а звонок настойчиво бил в висок, угрожая полностью уничтожить возбуждение прямо в процессе. Поэтому в состоянии, близком к панической атаке, он вынул мобильник и посмотрел на экран, перед тем как нажать на сброс.

Вызов шел через звонки по соцсети, на аватарке светилась сладкая парочка, одного из них он уже внес в список людей, которых застрелит в случае, если рассудок отчалит в гребень. Вибрирующий телефон чуть не вылетел из задрожавших пальцев. С третьего раза он попал пальцем по кнопке «принять звонок» и как во сне поднес трубку к уху.

– Внимательно... – выдохнул он.

– Леша, мне нужна твоя помощь, – голос из прошлого окутал его сердце мягким, пушистым теплом, и он немедленно оттащил любовницу от себя за волосы.

Глава 4

Какой она была? Мне трудно отвечать на этот вопрос, потому что я настолько ссался от восторга, что не мог бы описать ее по-человечески. Ну в смысле хоть сколько-нибудь объективно. Вот ее сильные стороны, вот слабые. Вот плюсы, вот минусы. В этом луче света из недр моей памяти она была совершенным существом. Но сейчас, вспоминая ее, будучи взрослым, я вижу и достоинства, и недостатки. Проблема в том (моя проблема) что все они мне нравятся. Но в первую очередь я восхищаюсь ее мужеством и бесстрашием. Ага, вот так после всего, что вы о ней успели узнать.

Эта история произошла, когда ей было 12 лет, а мне соответственно на год больше. Это было одно из самых счастливых времен моего детства, потому что на все лето нас, черт возьми, оставили в покое. Никто не выслал ее к бабушке в Сибирь, чтобы мы писали километровые письма и словно каторжники, зачеркивали дни до встречи. Никто не ссылал меня в спортивный лагерь, чтобы я сбежал оттуда и два дня шастал по поселкам в поисках пригородного маршрута автобуса.

От нас просто все отвязались и все лето мы утром встречались и шли гулять, играли дома в приставку или комп. Она жарила мне блинчики, мы вместе портили продукты, пытаюсь приготовить пиццу. А иногда она заставляла меня читать произведения школьной программы. Вслух, черт возьми. И я читал, как миленький. Польза была обоим. Она опережала свою программу на год, а я не имел соблазна выехать на сообразительности. Интеллект креп, успеваемость по литературе повышалась. Но в самом деле я уступал ей по двум причинам: это было время вместе, наедине, без посторонних. А во-вторых, это мои первые сексуальные переживания. Ага. Под Достоевского.

В свои 13 я был уже в том возрасте, когда хочется прикасаться к девочке совсем не подружески, не за ручку, знаете ли, подержать. А как минимум целоваться. А она в свои 12 все еще оставалась на стадии, когда подобные темы – это фу, противно! Не мог же я целовать ее против воли. Мне оставалось лишь просыпаться и засыпать с этими мыслями. Каждый чертов день.

Так вот, при чем тут Достоевский и его «Бедные люди»? Это в самом деле мог быть и Гоголь, и Лермонтов, и даже Пушкин наше все. Дело было в том, что, читая, я ложился на свою или ее кровать на живот. А она укладывалась рядом. Наши плечи, а главное, бедра соприкасались. И само ощущение момента, то, что мы оба в постели, что я прикасаюсь к ней, вводило меня в такое томительно приятное оцепенение всего тела, что я едва помнил себя от этих ощущений. Я читал и возбуждался. Мне кажется, если я перечитаю произведения для 8-го класса, то снова заведуся.

Надо сказать, по этому поводу наши родители были настороже. Чаще всего мы сидели именно у нее дома, таково было требование ее отца. Бабушка для разнообразия приехала из Сибири сама и позволяла нам закрывать дверь только при условии, что слышала мой голос, читающий вслух. Это гарантировало, что я не присосался к любимой внучери и не повергаю ее душу в грешный ад.

Что сказать, ее родители не питали иллюзий на мой счет (это было обоснованно), при нашей плотности отношений, моей гиперактивности, явной акселерации и отсутствии контроля все это закончилось бы подростковой беременностью. Поэтому они держали нас в поле зрения и заблаговременно начали обработку морального облика Альбины (а вот это уже отскочило будь здоров). Мой отец тоже предпринимал серьезные разговоры часа на полтора-два о мужской ответственности, о том, что торопиться становиться взрослым – это глупо и что Альбина мне доверяет, ее родители тоже и достаточно одного эпизода пересечения линии, чтобы все это облажать.

Поэтому я писал ей стихи. Читал русскую классику вслух и сплошь покрывался мурашками, когда она прикасалась к моему колену или не дай бог клала на них голову. А когда мы смотрели фильмы, в которых был какой-нибудь эпизод с поцелуем или страстными объятиями (сексуальные сцены не пропускала строгая родительская цензура), я сидел как на иголках. Сжимал и гладил ее руку, а потом бежал в туалет. Вспоминаю и смешно.

Побочным эффектом такого насыщенного летнего общения стало то, что мы обошли всю округу, пересмотрели десятки фильмов и прикончили школьную программу. В наших идеях, как себя развлечь мы заходили все дальше. И уже не в эротическом смысле. Мы начали покидать пределы знакомой территории района, ограниченной большими автомобильными дорогами. Случай, который я помню, произошел именно потому, что мы решили разведать боковой мир за тем светофором.

Пацаны постарше, с которыми я был на короткой ноге, рассказывали, что минутах в десяти пешком от нашего дома есть заброшка. Замершая стройка, где дом успели построить на пару этажей, а потом что-то пошло не так. За годы простоя шпана наделала дыр в заборе и скелет здания пестрил граффити, был сплошь усеян окурками, бутылками и презиками. В общем, место, в которое Альбина не попала бы и в страшном сне. И именно туда я ее потащил.

Сначала мы гуляли, велик лучше у того забора было не оставлять. Потом некоторое время плутали в поисках прохода в бетонном заборе и вот, наконец, забрались. Кучи строительного мусора, стихийная помойка и заросли бурьяна не содержали никакого практического интереса. Все любопытное там давно нашли до нас. Поэтому мы сначала полезли на второй этаж, ходили, разглядывали артефакты местной загадочной цивилизации – кострища на бетонном полу, залежи бутылок, надписи на стенах и даже подобие спальных мест в закутках, где задумывались ванны.

Я понимал, зачем это надо, Альбина же недоумевала, кто и в какой нужде здесь мог ложиться спать на грязном матрасе среди тряпья. Нет, с этой стороной жизни я не посмел бы столкнуться даже имея черепно-мозговую травму. А дальше мы полезли в подвал. До сих пор не понимаю, чем я думал, что был за идиот.

Как многое брошенное в Питере, это самое брошенное со временем уходило под воду. Частично подвал был затоплен. Он уходил под землю лишь до середины, был темным и затхлым, несмотря на отсутствие внешних стен. Мы передвигались почти наощупь, замирая от страха и испытывая адреналиновое опьянение.

Моя любимая не ныла, не жаловалась, не просилась уйти. Ей было любопытно, она лишь крепче сжимала мою руку и совала нос в каждую дверь. И правда, мы вместе, в центре города, среди бела дня, что с ней может произойти? Ровным счетом ничего. И этот тезис на практике не подтвердился.

Началось с того, что я не смог больше терпеть. Отлить хотелось еще до того, как мы форсировали забор, и какое-то время я мужественно сдерживал позывы, но в подвале, где то и дело журчало, капало и булькало, я сдался и выпустил ее руку из своей.

– Подожди здесь, ладно? Я сейчас, – торопливо шепнул я и бросился в темный угол.

Там зашел за стенку, испугался, что она услышит журчание и спрятался еще дальше. А она тем временем и правда услышала, но вовсе не то, чего я боялся. Ее слуха коснулся жалобный, едва слышимый кошачий мяв. Ни секунды не раздумывая, моя маленькая ринулась навстречу зову о помощи. С ее эмпатией она скорее крокодила поцелует, чем останется стоять на месте, когда где-то страдает живое существо. А в том, что оно именно страдает, не было никаких сомнений.

Альбина попетляла по лабиринту, двигаясь на звук и вышла к шахте лифта, а вернее ее квадратному бетонному основанию, которое из-за воды превратилось в бассейн с отвесными стенами. Понять глубину, стоя снаружи, было невозможно. От края ямы до кромки воды

было примерно полметра. И если допустить, что дно близко, то и спуститься, и вылезти не составило бы труда. А сделать это было надо. Именно в этой яме из последних сил барахтался и доживал свои последние минуты крошечный котенок.

– Ай мамочки! – она едва не заплакала от жалости (это все пересказываю с ее слов). Котенок душераздирающе мяукнул.

Альбина осмотрелась в поисках чего-то, что могло бы ей помочь и, разумеется, кроме битого кирпича и стальной арматуры, торчащей из стен, ничего не обнаружила. Она уж было хотела позвать меня, но тут котенок ушел под воду и, о, безумие и отвага! Она прыгнула следом, не раздумывая. И ушла под воду с головой.

Плавать она, слава богу, умела, поэтому вынырнув, первым делом выловила настоящего утопающего, усадила себе на голову и попыталась дотянуться до края шахты, чтобы уцепиться. Но нет. Дно было близко, но ей не хватало роста встать ногами. А, удерживаясь на плаву, дотянуться до бортика не хватало длины рук.

Котенок впился когтями в ее шею и блеял дрожащим голосом, сама Альбина тяжело дышала и скребла пальцами по холодным стенам шахты. В грязной, затхлой воде, без помощи, в полумраке подвала, в заброшенном доме она была обречена на смерть вместе с глупой животной, которая втравила ее в этот кошмар. Но у нее был я. Где-то там за лабиринтом. И она закричала.

– Лееееешааааа! Помогиииииии! Лешааааааа!

Я услышал зов в ту же секунду и побежал. К тому моменту я уже вышел из сумрака и пытался понять, это я заблудился или она нарушила мое указание ждать здесь и никуда не уходить. И тут крик. Сердце упало и пробило бетонный пол. Я понесся на голос и заметался среди стен.

– Ты где? – кричал я и слышал плеск воды, уже догадываясь, что произошло, не понимая только, как умудрилась?!

Я в панике терял драгоценные секунды, бросаясь из стороны в сторону, пока не вылетел к шахте и едва не загремел с края просто по глупости. Увидев эту картину, я задохнулся от ужаса. Альбина с мокрыми, грязными волосами, среди пластиковых бутылок и окурков, в какой-то яме с котенком на шее тянется ручками к краю бассейна и не достает. Я немедленно упал на живот, протянул ей руку, и она сцепилась в нее до самого плеча.

Изнемая от напряжения, я тянул, что было сил, но у худосочного подростка не было и шанса одной рукой вытянуть две трети собственного веса из воды. Сейчас я это понимаю, тогда не понимал и рыча от напряжения тянул до красных пятен перед глазами, но не вытянул и до пояса. В довершение кошмара, она снова сорвалась и ушла под воду с головой. Когда она вынырнула, меня уже трясло.

– ПОМОГИТЕ! – заорал я во всю глотку, понимая, что бежать за помощью нет времени, а сам я не справляюсь.

– Лешечка, возьми котенка, – сказала она, стуча зубами, и протянула мне его на ладони.

Я едва не заревел. Выхватил чуть живое тигедуиное тельце грязно-серого цвета с белым пятном на груди и отсадил на кучу кирпичей. Я и сам стучал зубами от осознания происходящего. Стоило мне представить, что она сейчас умрет на моих глазах и решение пришло только одно – умирать вместе.

– ПОМОГИТЕ! – мой рев раскатами заметался между страшными серыми стенами.

– Леша, я больше не могу, – проговорила она.

И я решил.

– Я сейчас прыгну, – сказал я спокойно, – далеко до дна?

– Нет, я достаю, если нырнуть.

– Значит, не утону, – мой голос не дрогнул, я уже тогда был выше нее больше чем на голову, – подплыви ближе.

Она подчинилась, и я прыгнул через ее голову, в черную, жуткую яму. Прыгнул, без колебаний, вслед за ней. В костер бы вошел, если б надо было. Я погрузился с головой и ощутил, какая же ледяная и затхлая эта вода. Вынырнул, отфыркиваясь и подплыл к ней. Альбина тут же вцепилась в мои плечи, я обхватил ее за талию и прижал к себе. Ноги крепко встали на бугристое дно и мы замерли, тяжело дыша и стуча зубами.

Было тихо, холодно и чудовищно страшно. Альбина тряслась в моих руках и дышала мне в шею, а я лихорадочно шарил взглядом по стенам, пытаюсь отыскать намек на спасение. Всюду, всюду темнота и голый бетон с черными следами от спичек и надписями. Ни намека, ни шанса воспользоваться им изнутри ямы, гений, твюмть, я не обнаружил. Из нашего колодца даже потолок был едва виден, так темно было вокруг.

Неужели все? Неужели мы умрем? От паники подташнивало и в память вплавлялись все потеки на стенках шахты, все сколы и пятна. Все плавающие здесь бутылки, обертки и прочий мусор. Я помню все это и сейчас. А еще запах... Мне до сих пор именно тот тягостный сырой дух кажется запахом смерти. Здесь была наша с Альбиной страшная могила. Как нас найдут? Через сколько дней? В каком виде? Я представил это и застучал зубами. Не важно, не важно, твердил я себе, главное, что вдвоем, а остальное мы не узнаем. Улетим отсюда прямо на небо, держась за руки. Меня заколотило еще и от ужаса.

– Мы умрем? – едва слышно прошептала она.

– Нет, – твердо сказал я. – Я удержу, не выпущу тебя, буду стоять до вечера, а вечером кто-нибудь придет. Там же кто-то живет, ты видела? Вернется на свой лежак, мы позовем и нас вытащат.

– Мы замерзнем? – я улавливал слова по движению дыхания на моей шее, казалось, что она уже умирает. Меня пробило волной крупной дрожи.

– Нет, слышишь меня? Не замерзнем! – Я повернулся к ней и заставил посмотреть мне в лицо.

– Мы не умрем и навсегда будем вместе, – выдохнула она, глядя мне в глаза и стуча зубами. И столько в ее глазах было решимости, смелости и уверенности что ли. Не заплакала, не сдалась. Такая храбрая, такая сильная. – Я тебя обниму и тебе не будет холодно, – шептала она, сотрясаясь всем телом, – и ты не устанешь, ты сильный. Ты самый сильный на свете.

Самый сильный на свете застыл и едва чувствовал ноги. Я думаю, та вода была около 12-15 градусов и наши тела быстро теряли тепло и силы. Мы умирали, это ясно. Еще полчаса-час, я вконец околую, не устою, и мы захлебнемся.

– Не бойся, я с тобой, – прошептал я синими губами и погладил ее по волосам.

– Я ничего с тобой не боюсь, – ответила она, подалась вперед и ее мягкие, холодные губы прижались к моим.

В первую секунду я оцепенел, моргнул, а потом чуть шевельнул губами, и мы слились как два подходящих кусочка пазла в неподвижном, согревающим до живота поцелуе. От восторга в моей груди дыхание сперло и сердце забило быстро-быстро. Это был наш первый поцелуй! И, похоже, последний. Он длился и длился. Я не знал, что делать и надо ли, просто замер и наслаждался узким лучиком счастья в черной яме нашей судьбы.

Когда наши губы разомкнулись, я тяжело дышал и отчаянно, до крика хотел жить, а не умирать. Только не сегодня, только не так!

– Я тебя спасу. Ты веришь мне? Веришь?

– Я верю тебе, – она улыбнулась, мягко, одними губами. Уже не такими синими, но очень-очень бледными.

Прижимая ее к себе как драгоценность, я сделал шаг к стене, протянул руку и кончиками пальцев провел по краю шахты.

– Сядь ко мне на спину, держись за шею! – велел я и она быстро подчинилась.

Я пошел вдоль ямы, ощупывая край околенившими пальцами и пол кедами. На дне было много битого кирпича и я, пиная крупные осколки, соорудил себе небольшую горку, привстал на нее и крепко ухватился за выступающий штырь арматуры у края.

– Аль! Лезь по мне как по лестнице. Хватайся, подтягивайся. Наступи на колено. Быстреей, пока держусь!

Я согнул ногу, уперся в стенку шахты и почувствовал, как она подтянулась на мне удушью приемом, воткнулась острыми локтями в плечи, оперлась на мое бедро коленом и уцепилась за руки, впиваясь ногтями. Потом встала уже ступней, осторожно распрямилась.

– На плечо коленом! Давай! – командовал я, трясясь от натуги. Шершавая бетонная поверхность словно стружку снимала кожу со сползающего по ней колена, пальцами я до крови вцепился в бетонный край.

Она послушалась. Уперлась и в следующую секунду легко вспорхнула с моих плеч за край могилы. От облегчения я рассмеялся и затрясся еще сильнее. Те участки тела, где она согревала меня собой, стремительно и очень неприятно остывали.

– Беги за помощью, приведи кого-нибудь, я дождусь. Я в порядке! – я изо всех сил стараясь не стучать зубами слишком громко, но выходила очень сбивчивая, прерывистая речь, как будто я пытался говорить на бегу.

– Нет! Я не брошу тебя здесь! Ты сказал верить в тебя, я верю. Ты можешь сам! Я тебя не оставлю одного в этом жутком месте. – Она легла на живот, как я до этого и хватала, гладила мои руки, подтягивая к себе. – Я столько раз видела, как ты красуешься на турнике. Я же знаю. Ты можешь. Я видела! Хватайся и подтянись, – ее голос дрожал, она была в безопасности, но я понимал, не уйдет, не оставит.

А потом она схватила мою руку с окровавленными пальцами, которыми я цеплялся за край, когда она выбиралась и начала целовать, повторяя:

– Бедный мой бедный. – и прижалась щекой к ладони, – Ты же герой, ты сможешь.

И я, мать его так, смог! Присел так, что вода сомкнулась у меня над макушкой и толкнулся от дна что есть силы. Выпрыгнул чуть дальше, ударился пальцами о камни, заскользил назад, обдирая локти, но одна рука крепко схватила кусок арматуры, вторая ухватилась за вмурованный в пол камень, в плечи вцепилась Альбина и потянула на себя что есть силы. И я рванул. Ей навстречу, на адреналине, на мощном, разрывающем меня чувстве любви и какого-то душевного подъема, как бывает у людей в минуты высшего героизма. Наверное... Не так уж часто меня посещают приступы высшего героизма, извините.

Подтянул себя чуть выше. Уперся в край локтем, заскреб кедами по стене, резиновая подошва хорошо цеплялась за шершавый цемент. Подтолкнул себя ногами и вывалился за край до пояса, тяжело дыша пылью и мусором. Потом перекатился на спину, весь ободранный, мокрый и грязный как черт и оттолкнул себя ногами от края. А Альбина упала мне на грудь и только тогда разрыдалась.

– Ты спас меня, спас... спас... – шептала она, вся черная до самой макушки, залитая слезами, рисующими светлые дорожки у нее на щеках.

– А ты меня, – выдохнул я и крепко-крепко прижал ее к себе.

Мы бежали домой со всего духу. От пережитого смертного ужаса, от переохлаждения и перенапряжения, я то и дело спотыкался и удерживал от падения Аль, но мокрые насквозь, израненные мы бежали, согреваясь на ходу. Альбина прижимала к груди третьего выжившего: тощего, драного котенка, который отдался на волю судьбе и молча цеплялся за ее грязное платье, зажмурился глазами.

Прохожие оборачивались, пытались нас окликнуть, слишком уж вызывающе мы выглядели. Три существа, явно попавших в беду, но догонять нас никому в голову не пришло.

В свой двор мы входили в режиме стелс. Я шел на разведку, выглядывая из-за угла, а Альбина двигалась следом. Не хватало только, чтоб начатое моим безответственным пове-

дением довершили родители, которые без колебаний свернут мне шею, как только узнают и встречаться нам больше никто не позволит. Вот этого я боялся больше всего на свете.

У меня дома не было никого и хоть ее подъезд манил юркнуть в спасительную темноту от самого угла, но мы пересекли двор и нырнули в мою парадную, взлетели на второй этаж и только захлопнув дверь, я почувствовал себя в безопасности.

Альбина, не снимая босоножек, бросилась в ванную вместе с котенком. А я прямо на пороге начал раздеваться, срывая с себя воюющую, мокрую одежду. За дверью ванной зашумел душ и я, грязный и дрожащий стащил покрывало с дивана, завернулся в него и привалился к стене рядом с дверью. Как же хотелось принять душ! Я закрыл глаза и меня горячей волной смыло в черный кадр, где мы целовались и были во всем мире только вдвоем.

Может из-за этого я со временем перестал вспоминать ту жуткую историю, как самый страшный эпизод в жизни? Особенно на фоне событий, которые действительно осуществили мои глубинные страхи.

О том, что это было никто кроме нас двоих так и не узнал.

Не глядя на обескураженную Евгению, он прижал трубку плечом, застегнул штаны и как последний мудака вылетел из клуба. Прохладный вечерний воздух обдул его горячее лицо и грудь наполнилась восторгом и волнением.

– Что случилось? – Лекс осмотрелся, его тон тут же стал собранным и деловым, – ты где?

– Я на работе. Монблан у Финляндского, знаешь? – ее голос дрожал.

– Еду, – он стартовал с места к своему шериду. – Объясни, что произошло?

– Леш... комендантский час! – выдохнула она, будто что-то очевидное и Лекс уставился на часы.

Десять минут до выхода патрулей! Он собирался проторчать в клубе до утра, а потому начисто забыл, что с минуты на минуту город замрет. Уже сейчас станции метро закрыты на вход, таксисты завершают поездки и весь общественный транспорт направляется в парк. Хорошо, кар шеринг, еще не научился блокировать машину после наступления часа «всем сидеть по норам!».

– Мчусь, жди! – Лекс сбросил звонок и побежал.

Он вылетел за угол, где оставил машину и обнаружил, что той на месте уже нет. Кто-то перехватил ее и уехал к себе домой.

– Блт! – выдохнул Вольский и завертелся на месте, лихорадочно соображая, где взять свободную тачку.

Двор! Кто-то обязательно должен был вернуться с работы и припарковаться у дома! Лекс метнулся через дорогу, в арку. Восемнадцать шагов, влево, вправо, в уме он считал убегающие секунды. До Финляндского было рукой подать, но только если ты на колесах.

Вот! Стоянка! Он запустил приложение и увидел горящую синюю точку в дальнем углу двора. Есть! Еще двенадцать шагов и 4 секунды.

На ходу разблокируя двери, Вольский влетел на водительское и, не пристегиваясь ударил по газам. Оп-па! Взвизгнул парктроник. Бетонный ящик с клумбой, поприветствовал задний бампер. Черт с ним! Лекс лихорадочно крутил руль, разворачиваясь в три приема, набирая скорость, вписался в узкую арку и вылетел на опустевшую дорогу. Минус 38 секунд.

Замелькали столбы и дома, светофоры на пути уже мигали желтым. Все говорило о том, что ты, идиот проклятый, что жмешь по набережной 120 км/ч должен находиться в любом другом месте. Любом! Но Лекс упрямо топил педаль в пол, обгоняя припозднившихся собратьев. И только когда в поле видимости начала вырастать стеклянная громада здания Монблан, он ощутил, как сжалось сердце. Он же увидит ее... прямо сейчас!

Полторы минуты.

Он свернул на Финляндский проспект и остановился у пешеходного. Гуднул и запустил обратный звонок, когда увидел, как из вращающихся стеклянных дверей выбежал узкий, стройный силуэт в распахнутом плаще. Сердце Вольского задрожало, время остановилось. Он смотрел, как она приближается, подсвеченная из-за спины сияющим вестибюлем бизнес-центра. Черная фигура с тонкой талией и стройными ножками на каблуках, бежала, будто не касаясь земли, словно крыльями окутанная развивающимися полами плаща.

Снова, как и тогда, вокруг нее разливалось сияние, а он цепенел, узнавая походку, профиль, мягкую волну волос, перекинутых на одно плечо и поворот головы. Она промелькнула в пятне света под фонарем. Лекс вздрогнул и до боли впился пальцами в руль, на мгновение увидев лицо бесконечно любимой женщины впервые за десять лет.

Альбина перебежала дорогу, и он опомнился, лишь когда потерял ее из поля зрения за бампером. Алекс перегнулся через соседнее сиденье и распахнул дверь. Через секунду в салон впахнула она, а вместе с ней легкий цитрусовый запах и звуки дыхания, шуршания одежды и ощущение, будто он сидит в тридцати сантиметрах от ядерного реактора и жить ему осталось несколько секунд.

Она села, потянула изящной ручкой ремень от плеча, а Лекс, стараясь не зализнуть и не выдать свои чувства, погладил взглядом ее профиль. Высокий, чистый лоб, изгиб ресниц, аккуратный ровный нос, тронутые улыбкой уголки мягких притягательных губ и светлые глянцевые волосы, заправленные за ухо. Он помнил эти волосы наощупь, мягкие, тонкие, гибкие, как будто детские, они как вода всегда струились между его пальцами и ладони вспомнили это ощущение. Кожу щекотнуло флешбэком. В мочке уха сверкнула блестящая круглая капля прозрачных сережек.

На ней был легкий бежевый плащ с остроугольным распахнутым воротником, открывающим изящную шею с нежной ямочкой между ключицами на дне которой поблескивал прозрачный драгоценный камень на тонкой серебряной цепочке. Нырнуть взглядом в просвет белой офисной блузки глубже в декольте не позволяла одежда и состояние, которое утягивало в эйфорические приливы, которых лучше было не допускать, чтобы немедленно себя не выдать. Сразу под грудью ребра стягивала высокая плотная юбка-карандаш, которая словно футляр для скрипки захлопывала ее фигуру в корсет и прорисовывала все плавные изгибы ее тонкого тела и заканчивалась чуть ниже колена.

Альбина скрестила тонкие запястья, сложила узкие ладони, с длинными пальцами, на одном из которых тускло блеснуло простое золотое обручальное кольцо. Алекс споткнулся об него и будто обжегся, отвел глаза, а она повернулась к нему, мягко улыбаясь губами, глазами... жемчужно-серыми, бездонными с искорками любопытства и приязни, как будто не было этих лет и не выглядит она роскошной женщиной, а не угловатой старшеклассницей. Как будто они расстались друзьями и нет никаких поводов сомневаться, стоит ли радоваться встрече. И как будто не понимает, какое производит впечатление и не видит, как у него все внутри трясется от восторга и волнения. А еще от какого-то странного, трудно объяснимого чувства, в котором смешались тоска и облегчение.

– Ну здравствуй, Леш, – сказала она и его тело отозвалось волной мурашек.

– Здравствуй, Аль, – вытолкнул он слова сквозь пересохшее горло.

– Давай скорей! – она подняла брови и закусил губу с извиняющимся видом.

Лекс опомнился. Надо было переключиться, и он радостно нырнул в этот предлог, как в убежище, будто отгораживаясь от источника своего бешеного волнения и нажал на газ.

– Где ты живешь? – он отвел глаза и стало полегче.

– На Савушкина...

Он снова медленно перевел взгляд на нее, этой красноречивой паузой давая понять, что миссия невыполнима. До перекрытия дорог и развода мостов оставалось 3 минуты.

– Не успеем. – Коротко резюмировал он и дал по газам, разворачиваясь через двойную сплошную.

Альбина притихла, а Лекс лихорадочно соображал, разгоняясь вдоль сквера, откуда на них пялился памятник Боткину и очень не одобрял! К себе не успеет тоже, они живут в десяти минутах друг от друга. Семен вообще на Просвещения – 20 минут без светофоров. Выход один – тащить ее обратно в бункер. Он представил радость Евгении от новой встречи. Представил, как заведет эту испуганную лань в стены нелегального заведения, тем самым подводя ее под статью. Прикинул, что она о нем подумает, распознав завсегда, и едва не застонал. Но условия задачи двух вариантов решения не предполагали.

Машина мчалась мимо Выборгского сада, мимо собора и резко повернула налево, на Гренадерскую. На часах мигало 21:58, на дороге кроме них никого не было.

У моста уже собиралась спец техника. Лекс обогнал автозаки с мигающими габаритами, которые разворачивались, чтобы перекрыть дорогу и с замиранием сердца влетел на мост. С обратной стороны барьер тоже не успели сомкнуть, и он вписался в узкий просвет между щитами.

Выскочил на перекресток. С одной стороны уже сдвинули барьеры, он свернул на набережную, потом еще раз мимо ботанического. Навстречу по улице двигалась колонна автозак. Алекс сбросил скорость и нырнул в ближайшую арку. Машина остановилась, и заглушила мотор. Оба, молча, не сговариваясь, обернулись и посмотрели в заднее стекло, мимо которого неспешно прогрохотали четыре тяжелых автобуса.

– Сейчас я найду парковку, и мы попробуем добраться до одного места. Оно не очень легальное, вернее очень нелегальное, но выбора нет, – шепотом сказал он.

– Хорошо, – тихо отозвалась она и его снова обдало волной тепла.

Медленно-медленно он тронулся с места. С выключенными фарами они вкатились в чужой двор. Почти все окна в колодце горели мягким желтым светом и Лекса ударило дежавю. Школьный двор, люющее из классных окон сияние и маленькая девчонка, обнимающая его тонкими ручками... И как же захотелось обратно! Все переиграть, прожить жизнь заново, и кое-что сделать иначе.

Тихо шурша шинами, они крались вдоль плотного ряда бамперов в поисках окошка, чтобы всунуть машину. Разумеется, в час, когда без преувеличения, дома абсолютно все, на стоянке не было места даже велосипед припарковать.

– Черт с ним, – сдался Алекс и запер сразу три машины, уткнувшись носом в палисадник. – Это же шерик, кому надо, сами откроют и отгонят утром. Пошли.

Он выбрался из машины и чуть не бегом обогнул ее спереди, чтобы успеть изобразить джентльмена. Но торопился зря. Альбина отстегнулась и смиренно сидела, дожидаясь его. Их взгляды встретились сквозь стекло. Она спокойно, с интересом смотрела на него снизу вверх своими инопланетными глазами и у Вольского едва ноги не подкосились. Он распахнул дверцу и будто во сне протянул ей руку. Тонкая кисть с длинными изящными пальцами легла в его горячую ладонь, и он закрыл глаза, пропуская сквозь кожу по всему телу электричество этого прикосновения.

Альбина вышла и забрала руку, зябко запахнувшись в свой тонкий плащ, осмотрелась. Он сжал в кулаке ощущение легкой щекотки от трения ее выскользнувших пальцев и тоже завертел головой. Маленький двор, проход в соседний забран решеткой. Не тот! Слишком рано свернул, ошибся аркой! Лекс поморщился. Да что толку сожалеть, какие у них варианты?

– Стой здесь, – тихо сказал он и быстрым шагом направился к выезду.

Выглянул на улицу и отпрянул. Колонна, что двигалась им навстречу, сейчас развернулась. Два автозака морда к морде перекрыли перекресток и вокруг в свете прожекторов мелькали вооруженные тени. О том, чтобы выйти на улицу и речи быть не могло! Он вернулся к смиренно стоящей Альбине, достал телефон и окинул взглядом карту. До нужного им двора

было несколько домов, которые хаотично слипались друг с другом боками. Добраться до цели можно было только по воздуху.

– Твюмть, – выругался Лекс.

– Что случилось? – она переступила с ноги на ногу.

– Дело дрянь. Мы чуть-чуть не доехали. А из этого двора выхода нет.

– И что будем делать? – Она заглянула ему в лицо без тени тревоги и сомнений, что сейчас будет предложен достойный вариант спасения.

И снова его ударило дежавю: они двое в затопленной шахте и выхода нет, но она верит в него и спокойно ждет спасения. Что бы он отдал ради полной симметричности сюжета! Все, что имел и без колебаний.

Он встряхнул головой, запустил обе пятерни в волосы и повернулся на месте, окидывая взглядом все возможности их положения.

– Итак, варианты следующие, – тихо произнес он. – Переночевать в машине. Будет холодно, предупреждаю, потому что двигатель крутить всю ночь нам не позволят жильцы. Вызовут наряд и рассвет мы встретим в обезьяннике. Вариант второй: звонить по домофонам и напрашиваться на ночлег. Я не беру его в расчет, потому что нас никто не пустит, а кто-нибудь обязательно вызовет наряд, на колу мочало. И третий вариант... – он помолчал, понимая, что впустую тратит слова, надо было возвращаться в машину и ждать утра. В животе сладко и больно замерло – всю ночь в замкнутом пространстве с ней наедине!

– Какой третий? – поторопила она его.

– Видишь ту пожарную лестницу? Я буду человек-паук, ты женщина кошка, мы влезем на крышу и по ним доберемся до места. Там есть питье, еда, диван. Правда музыка орет и ты не выспишься...

– Ерунда, – заявила она, – возьму отгул!

– Что? Мы лезем на крышу? – он со смехом поднял брови.

– Ну конечно лезем, – она широко с озорством улыбнулась и решительно направилась к лестнице, – тебе впервой что ли, Вольский? – Она бросила в него смеющийся взгляд через плечо, как выстрелила и отвернулась, ускоряя танцующий шаг.

– Вотэтоповорот за вотэтоповоротом, – пробормотал он и обогнал ее.

Пожарная лестница начиналась на высоте человеческого роста, чтоб шпана не шастала, а с крыши пожарной машины оставалось только шагнуть. Он легко подтянется на ней как на турнике, но Альбина... Они остановились плечом к плечу и посмотрели вверх.

– А как... – начала она, но Лекс перебил.

Он зашел сзади, наклонился, присел, обхватил рукой ее за голени и усадил к себе на плечо, после чего без усилия распрямился. Альбина только охнула, вцепившись пальцами ему в волосы. А у него «лифт» решительно устремился пробить крышу и вылететь на орбиту Сатурна.

– Ух, – выдохнула она, – подрос ты с тех пор, когда я тебя последний раз видела.

– Жизнь полна сюрпризов, – отозвался он и подставил ладонь под ножку в качестве ступеньки.

Альбина бестрепетно наступила и вторым шагом оказалась на нижней перекладине лестницы. Лекс отступил назад. С любой другой барышней, он бы не упустил своего шанса встать ровно снизу и насладиться видом из-под юбки и в высоком разрезе сзади. Но с ней он не мог даже так пошутить. Цепенел. И поэтому ждал, пока она проворно лезла вверх по ступенькам, до тех пор, пока ее плащ не мелькнул за краем крыши. Она выглянула между перилами и вопросительно уставилась на него. Тогда он легко подпрыгнул, ухватился за вторую перекладину, рывком подтянулся и за считанные секунды влез и перемахнул на крышу.

– Ты можешь мне объяснить? – произнесла она смеющимся тоном, – почему, как только ты пишешь мне спустя столько лет, я оказываюсь ночью, на крыше на пути в притон?

– Тот же вопрос к тебе, – он улыбнулся. Широко и искренне. Так, будто не испытывал всех этих болезненных приступов, будто она просто девушка, которая ему нравится и которой хочет понравиться сам.

В поддержание дискуссии Альбина, стоящая на скате крыши, покачнулась на каблуках, и он ухватил ее за запястья, чтобы все это не кончилось коротким полетом вниз.

– Снимай туфли, – велел он, – нам недалеко.

И вместо возражений, она оперлась на его локоть и стянула свои изящные ботильоны на шпильке и тут же стала ростом ему ниже плеча.

– Да ты авантюристка, – усмехнулся он, протягивая руку и забирая у нее обувь.

– Вот не поверишь, – отозвалась она, – со мной никогда в жизни ничего подобного не происходит, – а у самой глаза горят азартом и как бы говорят, а давай еще куда-нибудь залезем?

Медленно и осторожно, стараясь не грохотать, они двинулись вперед по самой кромке крыши вдоль ограждения, мимо антенн и слуховых окон. Альбина шла чуть выше по скату, перешагивая ребра жесткости, Алекс страховал ее у края, но у него сердце вздрагивало каждый раз, когда она оступалась и покачивалась и он подsunул ей локоть, а так хотелось взять за руку. Она вцепилась в него и больше не отпускала. Пару раз пришлось пересекать крышу, перебираясь через конек вдоль каменных дымовых труб, тогда она хваталась за его ладонь и на пару мгновений его мечты сбывались. Навигатор показывал близость цели.

Всю дорогу, Алекс косил на нее взглядом. Так хотелось рассмотреть подробнее. Все черты лица, родинку, заглянуть в глаза как следует, прикоснуться к волосам. Все мысли стеклись к тому месту, где она держала его под локоть, к тому, как пахла и как дышала.

Его охватывало странное, удивительное чувство, будто не было этих лет. Будто они встретились незадолго до момента, на котором он все разрушил и просто продолжили с того же места. Так с ней было легко, понятно и при всем при этом так невыносимо держаться на расстоянии. Не обнять, не прижать к себе, не вдохнуть запах ее волос и не сказать как невыносимо, страшно, чудовищно соскучился. Что чувствует она? Хотел бы он знать.

И пока он все это переживал, крыши закончились. Поручни такой же лестницы, как в начале пути замаячили впереди, и он совсем уж было вылез на нее, как на дороге из-за угла плеснуло красно-синими огнями проблесковых маячков. Лекс резко сел и потащил Альбину за собой. Они затаились, прижимаясь друг к другу плечами и кажется, даже перестали дышать.

Полицейская машина остановилась, из нее вышел патрульный. Было слышно, как хрипит его рация. Он лениво прошелся вдоль машины, привалился к ней задом и залез в телефон.

– Че ты приперся? Давай уже, вали отсюда, – прошипел Лекс.

И в ту же секунду откуда-то справа будто бы прямо в ухо оглушительно заиграла бестолковая мелодия звонка. Он отшатнулся и увидел, как Альбина с побелевшим лицом лихорадочно вытряхивает из кармана мобильный. Патрульный внизу насторожился, прислушался, осмотрелся. Телефон оказался у нее в руках, но от нервов вышло это так неловко, что он выскочил из ее пальцев, ударился о край крыши и, продолжая истошно звонить, кувыркнулся в воздухе, ухнул вниз, жахнулся о землю и замолк. Она замерла, вся белая, ни жива ни мертва. Патрульный отделился от машины и направился в сторону, откуда слышал звук. Как только он пропал из виду за краем крыши, Лекс распрямылся, схватил ее за руку и потащил за собой.

– Уходим, – выдохнул он и Альбина послушно двинулась следом.

Они тихонько зашли за ближайшую дымовую трубу и прижались к ней спиной.

– Простииии, – пропищала она.

Но Алексу не за что было ее прощать. Он знал, кто звонил. Жена не явилась после комендантского часа. Странно, что он не обрывал телефон еще в машине. Странно, что она позвонила не ему... Странно вот это вот все. Но было приятно понимать, что звонков и переписок в его присутствии не будет.

– Сейчас он найдет твой мобильник и может вызвать патруль, чтобы они тут все обыскали. Надо уходить. – Ответил он. Путь к бункеру был отрезан. Оставался лишь один вариант – ночевка в машине.

Они двинулись в обратный путь. Лекс телефон не доставал, надеясь, что вспомнит дорогу и так. Слишком свежи были воспоминания об улетающем вниз смартфоне. И, разумеется, они заблудились. Питер был единственным городом в стране, где по крышам можно было пройти хоть целый километр. Здания срастались между собой на целые кварталы. Этажом выше, этажом ниже, не важно, они образовывали ни с чем не сравнимый ландшафт, по которому когда-то, до пандемии даже проводились экскурсии. Теперь лезть на крыши было некому и незачем. Туристы закончились, а местным выжившим хватало хлопот.

И вот, они стоят, задрав головы, перед стенкой дома, что выше на этаж, рядом с лестницей наверх и никто из них этого препятствия на пути в ту сторону не помнит.

– Надо вернуться, – сказал он, и почесал в затылке.

И тут сзади они услышали отдаленный звук голосов. Не сговариваясь, резко обернулись и замерли.

– Да из окна он выпал, нет тут никого! – донесся недовольный голос и Алекс с Альбиной отшатнулись за трубы.

По крыше в отдалении загрохотали шаги. По скатам и трубам мелькнул луч света. Преступники переглянулись и сползли по стенке на корточки.

– Леш, – Альбина произнесла его имя одними губами и выглядела такой испуганной и виноватой одновременно, что он насторожился.

Алексу показалось, что она сейчас встанет и примет вину на себя, скажет, что одна здесь или что-то в этом духе. И картинка была такая яркая, слишком хорошо он ее знал, что стоило ей шевельнуться, привставая, как он одной рукой обхватил ее за талию и дернул вниз и на себя, а другой ладонью зажал ей рот.

– Не вздумай, – едва слышно выдохнул он ей в лицо и только после этого осознал, ЧТО ИМЕННО сейчас происходит.

Теперь они стояли на коленях на жестяной крыше, прижимаясь друг к другу, он обнимал ее, их губы разделяли пара сантиметров и его ладонь. Альбина не вырывалась, смирно сидела в его лапах и смотрела на него в упор. Эти огромные глаза так близко, Вольского окатило волной нестерпимого жара. Поцелуя захотелось настолько сильно, что он почувствовал, как кровь толчками бьется в губы и они начинают гореть от сумасшедшего желания трения. Почему она не отводит глаза? Неужели не понимает, что это значит? Неужели может иметь в виду что-то другое? Все его тело стремилось в атаку, а в ней не чувствовалось ни напряжения, ни желания отодвинуться.

Лекс медленно, как во сне, разжал ладонь на ее лице, осторожно убрал и, не отрывая взгляда, сократил расстояние между ними настолько, что почувствовал тепло ее кожи. В животе разливалось медовое тепло, сердце сладко замерло. Его пальцы ласкающим движением погладили висок, убирая прядь за ухо и нырнули дальше в волосы, мягко прочесывая их к затылку. Он потерся о крыло ее носа вверх-вниз, и легонько задел губами губы. Альбина вздохнула, приоткрыв рот и у него зашумело в голове.

С любой другой женщиной у него не оставалось бы сомнений и в следующую секунду он бы уже целовал ее, не заботясь о том, правильно ли считал ситуацию. Даже если бы потом получил по морде, все равно остался бы абсолютно доволен. Но только не с ней! Только не с ней... Слишком высока важность ее не потерять, слишком велика цена ошибки. Одно неверное движение могло грубо оборвать тонкую ниточку, что натянута между ними и она перестанет отвечать на сообщения, исчезнет и все его безумные мечты накроются одним поцелуем, с которым он поторопился, слишком рано сократив дистанцию.

Но все это не отменяло того, что Алекса обдало волнением и возбуждением такой силы, что он пошатнулся. Внутри все дрожало, дыхание сперло в груди, пока его опаляло близостью ее губ, в которые болезненно жарко долбил пульс. Вторая рука крепче сжала ее, притискивая к себе, а где-то там, вдалеке, в другой реальности их искали, раздавались голоса, грохот шагов, пока Вольский переживал лучшие мгновения своей чертовой жизни!

Альбина закрыла глаза, положила ладони ему на грудь, чуть отталкивая от себя и слегка отвернувшись вбок так, что он притерся колючей щекой к ее нежной коже. Оба судорожно вдохнули.

– Леш, пожалуйста, не надо, – умоляюще прошептала она.

Он улыбался, слыша этот протест, и гладил большим пальцем ее висок, растворяясь в ощущении прикосновений. Он знал, что это значит. И продолжал улыбаться, обнимая ее, когда совсем рядом словно выстрел раздался крик: «Сюда! Я их нашел!» и Лекса рывком выхватили из рая.

Глава 5

В 14 лет Альбина была не из тех девчонок, что сносят головы парням своим ранним развитием женских форм. В восьмом классе таких, у кого округлились бедра и в лифчике вырос второй, а то и третий размер, было уже предостаточно, она же выглядела как угловатый худенький подросток с огромными настороженными глазами на бледном лице. Времена, когда мальчики влюблялись в красивые банты и кукольные платья, безвозвратно прошли. И тот азиатский, который своим вниманием я привлек к ней в начальной школе, в средней был уже неактуален.

В тот период звездой параллели был я. Чертов КВН-щик, заводила и балагур. На всех вечеринках в центре внимания, я увлекся капоэйрой, и зал визжал, когда я исполнял какой-нибудь простенький акробатический этюд на концерте в честь дня Восьмого марта. И, что скрывать, мне, малолетнему понторезу, это нравилось.

В меня была влюблена половина класса, если не половина школы. По крайней мере, так я это ощущал. На голову выше других одноклассников, всегда на виду, дерзкий, я пререкался с учителями, умничал и не упускал возможности иронично поддеть преподавателя, цепляясь ко всем нестыковкам и оговоркам. Я был невыносим, но именно это нравилось одноклассникам и особенно одноклассницам.

Вместо форменного пиджака я носил кожаную куртку и не упускал возможности повыпендриваться, читая наизусть стихи или подтягиваясь по 30 раз под хоровой счет всего класса.

Вот честно, вспоминаю себя: и смешно, и стыдно, а больше всего хочется втащить подзатыльник.

На моем фоне Альбина выглядела бледной тенью. Аккуратно причесанная, прилежно одетая строго по форме, тихоня и отличница на год младше. Рядом со мной она казалась чудовищным мезальянсом. Что я нашел в этой малявке? Этот вопрос доносился из каждого угла, когда я приводил ее на школьные дискотеки и, не сводя глаз, танцевал с ней все медляки без исключения.

Для меня она по-прежнему была особенной. Я смотрел на других девочек и видел девочек: кто-то симпатичнее, кто-то умней, одна привлекательная, другая не очень. Смотрел на Альбину и видел принцессу. Просто другой вид человеков. Одна из всей толпы другая, не отсюда.

Своим лидерским статусом я доставлял ей массу проблем. Во-первых: поневоле она тоже была в центре внимания и ее постоянно обсуждали! Фигуру, лицо, волосы. За глаза дразнили «Смертью», потому что идиотка биологичка при всем классе выдала: «Тихомирова! Ты вообще ешь? Кожа да кости, бледная как смерть».

Это дурацкое замечание вызвало радостный хохот аудитории, и «Смерть» приклеилась к ней намертво. Простите за каламбур. Только ревнивые соперницы предпочитали вариант: «страшная, как смерть». С чем я категорически спорил! Но Альбину не убеждали ни мои слова, ни признания, ни бешенство, с которым я бросался на каждого, от кого слышал это слово. Она плакала, отворачивалась от зеркала, чахла и увядала. Избегала взглядов и сборищ, всегда была сама по себе и оживала, только когда мы оставались с ней вдвоем.

Той биологичке я отомстил. Пробрался в класс после уроков с пацанами и нацарапал метровыми буквами на доске: «Марьяванна без мозгов!» (любимое выражение нашей директрисы). А потом поверх мы натерли доску свечками, чтобы мел не писал и надпись можно было стереть лишь ценой большого труда. Как она орала! Вся школа шепталась об этом. Но никто из подельников меня так и не выдал.

А еще Альбина испытывала тотальное одиночество. Если я был окружен друзьями-приятелями, каждый был рад отозваться на мое «привет, бро» и давал пять, то у нее не появилось ни единой подружки. И причиной этому снова был я. В начальных классах, когда начинается самая крепкая, многолетняя школьная дружба, я замещал собой всех. У нее не было шансов с кем-то подружиться, потому что все свободное от уроков время забирал я. Позже трудно было найти не парных девочек. А когда мы стали подростками, она угодила в изгой из-за ревности тех, кто считал, что мы не подходим друг другу, не то что любая из них. И если я мог над этим прикалываться, то ей-то было не до смеха. Хотя где мне было понять? Все это продолжалось и угнетало ее, пока не появилась Катерина.

В седьмом классе к Альбине подседа девчонка и приклеилась, как эвачка к тапку. Она вела себя смело и напористо, напросилась в гости, гулять с нами в парк и с тех пор стала постоянно фигурировать третьим колесом в наших отношениях. Теперь, если я нес Альбине мороженое, будь добр, купи два. Две шоколадки, два цветка, две валентинки, черт возьми! Своей писал в открытку стихи, другой «Поздравляю».

Мне Катя сразу не понравилась. Я ревновал и не желал отдавать монополию. В присутствии третьего лишнего мне было меньше позволено, и вообще, она сама по себе казалась мне лживой и лицемерной. Но Альбина расцвела. Вместе они смотрели девчачьи сериалы, читали какие-то сопливые романы и смотрели на меня блестящими от восторга глазами, когда я входил на очередном эпизоде «Сумерек». Раньше я был единственным, кому Альбина несла все свои горести и мысли, с кем делилась мечтами и страхами. Катя быстро стала ей еще ближе. С ней она могла обсуждать меня! Жаловаться, не без этого, делиться чувствами относительно моих выходов и ситуаций, которые вечно со мною случались и которые я провоцировал вокруг нее.

Так продолжалось полтора года. Катя стала частым поводом для наших ссор. Она умела так технично влезть в каждую тему, что спустя двадцать минут разговора уже была главным героем обсуждения. Меня воротило от ее имени и от ее любопытного носа в наших отношениях. Но я терпел. И чтобы доставить Альбине удовольствие, водил по коридорам под руку их обеих, обеих защищал, обеим улыбался.

А потом Катя внезапно принялась писать мне в личку о том, что влюблена в моего одноклассника и страшно по этому поводу страдает. «Помоги мне, Леша, как ему понравиться», – канючила она, а я и рад стараться, так обрадовался! Ведь если надоеда заведет себе парня, то, может быть, наконец-то отвяжется от нас. И я активно включился в коучинг Екатерины: как понравиться парню.

«Одевайся в платья, распусти волосы» – писал я ей, и она приходила в короткой юбке и с распушенными волосами.

«Говори ему комплименты, улыбайся» – и она тренировалась на мне.

Вскоре и Альбина подключилась к переживаниям подружки. Вместе они строили планы, как завоевать сердце неприступного мучачо, и я как-то даже оттаял на Каткин счет.

Правда, я тотально не понимал, для чего городить огород? Нафига они звонят с чужого номера, молчат и бросают трубку? Нафига изучают его ленту в соцсетях на четыре года назад? Нафига хихикают по подоконникам, если я давно мог подойти к Сереге и нормально объяснить, что есть девчонка, которой ты нравишься, не будь дураком – подкати. Серега ж не дурак. Мы тогда все только о девочках и думали, а они думали о нас. Но с меня взяли клятву, что я ничего такого ни за что не сделаю, и цирк продолжился.

Я думаю, в тот вечер все и произошло... начало нашего конца.

– А может, не пойдём? – вздохнула Альбина из-за двери шкафа, которой отгораживалась от меня.

– Что-о-о-о? – возопили мы с Катькой хором.

– Да ну я просто спросила, – с досадой отозвалась Аль и продолжила одеваться.

Я валялся на ее кровати, закинув руки за голову. В своей кожаной мотокуртке, на которую вкалывал все прошлое лето на складе стройтоваров. На мотоцикл не хватило, а вот на куртку да. Облегающая с воротником-стойкой и поперечными полосами на плечах и локтях, тонкая, черная, кррррнутая. В ней я чувствовал себя рок-звездой. Не снимал ее вообще. К началу учебного года я еще и перчатки без пальцев себе купил на кнопках и все, круче меня были только яйца. На моей груди, свернувшись жирным семикилограммовым калачом, дрых Фалафель. Огромный дымчато-серый кот с белой грудью.

Катька сидела рядом в фиолетовом, блестящем, как рыба чешуя, платье, едва прикрывающем задницу, с длинными рукавами и голой спиной. С начесанной, накрученной гривой, покрашенная, как... в общем, вызывающе. Серега должен был упасть к ее ногам, что при учете длины юбки было вовсе недурной идеей. Правда... Я помалкивал об этом, но Катька мне казалась слишком простой, что ли. Она изображала из себя такую светскую сучку, а у самой веснушки, каштановые пушистые кудряшки, пухлые щеки, раскатистый смех и привычка слушать, раскрыв рот. Тем она мне и не «заходила», что старалась казаться не тем, кто она есть. Подразжала кому-то, выпендривалась и была искусственная насквозь. Хотя вот у нее-то и грудь уже выросла, и задница в наличии, чего для большинства моих тогдашних сверстников было более чем достаточно. Сегодня я был твердо намерен кинуть Сереге подсказку. Сколько можно?

Моя принцессина вышла из своего укрытия, и я повернулся на бок, подперев голову рукой, чтобы полюбоваться. Улыбка сама собой напозла на мое лицо. У нее был совсем другой стиль: жемчужно-белое платье из плотной глянцевой ткани, наглухо захлопывающее ее тонкий силуэт в футляр с воротником-стойкой и голыми руками. От талии начиналась объемная юбка, похожая на бутон тюльпана, длиной до середины бедра. Выбирали его вместе, и в сочетании с вертикальными локонами смотрелась она волиебно. Никакой броской сексуальности, но почему-то именно ее мне хотелось сгрести в объятия, прижать к стенке и сожрать всю помаду на нежных губах.

– Согласен, – тут же выступил я, – Кать, ты иди, а мы останемся. – Я криво ухмыльнулся.

Я в то время часто в шутливой форме сообщал ей о своих желаниях, потому что на прямые предложения уже получал прямой отказ и не раз. Чертово родительское воспитание, превратившее ее едва ли не в монашку, вызывало во мне лютую ненависть и отторжение к ним.

– Ага, щазз, – возмущенно отозвалась Катерина, – ну мы идем? Я сейчас только в тустик сбегает, – сообщила она свою бесценную информацию и выскочила из комнаты.

Меня молниеносно вынесло из кровати, Фалафель с возмущенным мявом шваркнулся об пол, и, наступая на свою любимую, желанную, неприступную девушку, я загнал ее обратно за дверцу шкафа и прижал к запертой соседней створке. Лапами сжал ее ребра под грудью и склонился над губами.

– Помада, – выдохнула она, закидывая тонкие ручки мне на плечи и приоткрывая губы. Остановила бы меня помада, как же! Одну руку я завел ей на скулу, за ухо и жадно нырнул в поцелуй, пока вторая поползла на спину. Дьявол, как я заводился от этих поцелуев! Тем более что больше мне ничего толком не перепадало. А ведь я чувствовал, как она отзывается на мои ласки, на тот напор, с которым я сминал ее губы своими и как быстро разгоняется ее дыхание, розовеют щеки, напухают губы. Мне казалось тогда, герою-любовнику, что мне достаточно остаться с ней наедине на час-другой, и она не устоит. Уговорю, зацелую, заласкаю, и все случится. Но наедине мы не оставались совсем.

Глубокий быстрый поцелуй сменился короткими, частыми, которыми я покрыл ее лицо, спустился на шею, и она задыхалась, царапая мой затылок.

– Сейчас Катя вернется, – почти простонала она.

– Да пошла она, – отозвался я, оторвавшись от нежной кожи, и Альбина тут же оттолкнула меня.

– Не люблю, когда ты грубый! Катя моя подруга, – она выкрутилась из моих лап и покинула наш интимный закуток.

– Она нам постоянно мешает! – для меня это был очевидный повод злиться.

– Это у тебя все мысли только об одном, – фыркнула Аль и принялась восстанавливать съеденную помаду.

– Ну... о разном у меня мысли, – я против воли снова похабно ухмыльнулся, но поддержки не нашел.

– Подумай, может, я тебе не подхожу? Любая в нашей школе даст тебе сегодня же вечером, – с вызовом ответила она.

Да что ж такое... я несколько раз с глухим стуком ударился лбом в створку шкафа и вернулся к кровати, сел на край.

– Понял, отвалил, – буркнул я с досадой.

Не знаю, большинство моих друзей как-то обходились без интимной жизни в свои 15, а кто не обходился, скорее всего, ввали, судя по тому, какую ахинею они об этом несли. Но, казалось, мне труднее всех, ведь одно дело пускать слюни на каких-то абстрактных девчонок или порноактрис, а другое любить, желать и постоянно обламываться с той единственной на всю жизнь, созданной для тебя. И я понимал, и она понимала, что это неизбежно должно произойти. Всем уже было очевидно, что наша любовь – это не детская блажь, что мы вместе навсегда. Свадьба, дети, совместная старость, это все ждало нас неизбежно! Я был в этом уверен. Так чего ждать? Чего? Я не понимал. И злился. Очень сильно злился.

В моем тупоумном пубертатном мозгу приведенный Альбиной аргумент только усиливал внутреннее напряжение. Я мнил себя неотразимым, и меня с ума сводило то, что устоять может только она.

Катя вернулась и поторопила выдвигаться. Новогодняя дискотека уже началась, и всем, кроме Аль, не терпелось присоединиться к празднику. Уже спускаясь по лестнице на улицу, мы в дверях столкнулись с мамой Альбины.

– Уже началось? – улыбкой встретила она нарядную дочь.

– Здравствуйте, – Катька протиснулась мимо нее на улицу первая.

– Здравствуй, Катенька, – ласково отозвалась та, потом перевела взгляд на угрюмого меня. Улыбка померкла и вовсе исчезла.

– Здравствуйте, – сухо сказал я, глядя в сторону.

– Добрый вечер, – последовал холодный ответ, – Альбина, в одиннадцать дома.

– Ладно. – Мы вышли на мороз, меня тут же крепко прихватило, так как в своей куртке поверх футболки одет я был явно не по сезону. Но крутизна для меня была важнее здоровья.

Мы заскользили по снегу к школе, к счастью, ее окна светились за ближайшим поворотом. А я все шел и кипел. Маме своей любимой я давно разонравился. С тех пор как пере-

стал быть розовощеким, бойким мальчишкой и вырос в неуправляемого, трудного подростка. Ухаживания растущего на глазах бандита переставали казаться трогательными и милыми. Альбину больше не отпускали ко мне в гости, только по согласованию с моими, что они встретят и проследят, чтобы мы не оставались наедине. Даже начали отказывать от дома, доводя до отчаяния обоих. И все становилось только хуже и напряженней с каждым годом, до появления Кати.

Эта девица выступила их безусловной союзницей и, буквально лишив нас малейшего шанса побыть только вдвоем, превратилась в самого желанного гостя. Еще бы, я агрессор, хулиган, пубертатный террорист, а Катенька – умница и прелесть. Пусть они вместе «Сумерки» смотрят про то, как дерутся вампиры и волки, чем их нежный цветочек уединится с таким оборотнем, как я. Хотя бы приходиться разрешили, правда, обидно было все равно! Но как это изменить, я понятия не имел.

Мы вошли в пустую школу и двинулись на приглушенные звуки музыки. Я шел в центре коридора, справа, сплетя свои пальцы с моими, шла Аль, слева на локте висела Кэт.

На подоконниках сидели парочки и разные компании. Со мной здоровались, кто-то лез обниматься, я отвечал лучезарной улыбкой на приветствия. Мимо нас прошмыгнули два девятиклассника, и у меня аж ухо дернулось, как у собаки, когда за нашей спиной я услышал: «Смерть моя пришла» и сдавленный смешок.

– Прошу прощения, леди, – ласково улыбнулся я, вынимая руки у обеих, развернулся на 180 градусов и в два шага догнал недомерков. – И ты, блт, не ошибся, – процедил я сквозь зубы, сделал поганцу подсечку и толкнул в затылок одновременно. И побежал юморист, размахивая крыльями, носом в пол. – Еще раз увижу, бабку проломлю, – добавил я вслед догоняющему дружку болтуна, который уже покатился по полу и заныл.

Альбина стояла, обнимая себя за плечи, и смотрела в окно, с трудом удерживая слезы. Катька же смотрела с азартом и восторгом и была не прочь, если б я еще кому добавил. Конечно, не о ней же болтают. Я вернулся на свое место, обеих сгреб за плечи и потащил в толпу. На случившемся внимание лучше было не заострять, а то точно расплачется и уйдет домой. Школа для нее была не самым комфортным местом, и во многом из-за меня.

Мы вошли в темный зал, где мельтешила скромная светомузыка и дрыгались старшеклассники. В центре зала стояла нарядная елка, переливающаяся разноцветными огнями. Народу было весело. У большинства на головах были то олени рога, то светящиеся звезды, множество шапок Санта-Клауса. «Но-о-о-овый год к нам мчится, ско-о-оро-о-о все случится», – скакал танцпол, и было ясно, что в такую развеселую толпу ее не утащить. Не то настроение. Я тут же отодвинул Катерину и увел свою маленькую к стеночке.

– Я урюю каждого, обещаю, они перестанут, – упрямо твердил я.

– Не перестанут, – Аль смотрела себе под ноги, – и потому что ты так реагируешь. И из-за того, что я плачу.

– Так ты не плачь! – воскликнул я.

– Легко сказать, – она поежилась, – на нас все смотрят.

Я огляделся и увидел, что группка старшеклассниц хихикает неподалеку, бросая в нас любопытные взгляды. С другой стороны шишукуются две подружки. Стоило мне обратить взгляд на них, как высокая покраснела и отвернулась. Я закатил глаза.

– Ну и че? – пожал плечами я. – Тут на десять девчонок по традиции семь пацанов, вот и смотрят. Тебе не пофиг?

– Может, я туфли не в тему надела, – пробормотала она.

– Да все в тему! Пошли танцевать! – я попробовал сдвинуть ее с места, но встретил решительное сопротивление.

– Ой все, уйди, – между нами влезла Катька, оттирая меня плечом.

Они о чем-то пошептались, а через минуту Альбина уже улыбалась и дала себя вытащить на танцпол. Вдвоем они принялись отплясывать, а мне оставалось только признать свое поражение. Я не хотел быть посланным еще раз и вышел в коридор, где меня тут же облепили друзья-приятели. Здесь статистика соотношения мальчиков к девочкам выглядела иначе. Все девочки хотели танцевать, а у всех мальчиков были дела поважнее.

– Леха-а-а! – мне на спину тут же запрыгнул Толик, я заржал и легонько перекинул его через плечо. Меня начали бить по спине, жать руку и сунули в руку бумажный стаканчик с соком.

– Апельсиновый, – широко лыбился товарищ, – твой любимый.

Я, не раздумывая, опрокинул стакан в себя. Так и есть, отвертка. Они налили водки едва ли не больше половины. Уф, такой концентрат меня мощно взбодрил, и уже через пару минут мы оглушительно ржали на всю школу у одного из подоконников. Я порозовел, развеселился, растянул куртку. В общем, вечер начался.

– Пойдем, покурим, – минут через двадцать предложил Толик.

– Нее, моя унюхает, еще неделю не подойду к ней.

– Да ты забе-е-ей, – рассмеялся тот.

– Вот ты где! – раздался требовательный девичий голос за спинами моих корешей. Они обернулись и засвистели. Там в позе запорожца за Дунаем стояла Катерина в своем открытом платье. – Мы его ищем, а он!

Я огляделся поверх голов, Альбины нигде не было.

– Кэтти, Кэтти, кискискис, – я с улыбкой Мефистофеля увлек ее за плечи в наш порочный круг, – хочешь сока?

Пацаны заржали, быстро смекнули и замутили полный стакан. Я вручил его ей и лично проследил, чтобы выпила до дна.

– Фу-у-у, – она допила, и ее передернуло, но других протестов не последовало.

– Для храбрости, – я подмигнул и приложил палец к губам, – только тс-с-с-с.

Моментально порозовевшая Катя скисла от смеха и приклеилась к моему плечу.

– Пойдем танцевать, – промурлыкала она, – тебя Аля ждет.

– У-у-у-у-у, – завыли товарищи, – намечается групповуха! Возьмите меня, я пригожусь! – они заржали.

С тех пор как мне навязали общество второй девицы, про нас болтали, что мы устраиваем тройнички. И за это я снова огребал сомнительной, но славы, а Альбина позора. Катерина же повышенным вниманием искренне наслаждалась.

– Не мечтайте, мальчики, у нас своя атмосфера, – и она силком уволокла меня обратно в зал.

Под градусом и ритм музыки, и мелькание огней зашли гораздо лучше, тут же потащило на подвиги и танцы, и я под всеобщий свист и вой показал пару эффектных элементов, постоял на ушах в буквальном смысле. А когда вернулся на ноги, мир ошутимо пошатнулся.

– Где Аль? – я беспрестанно осматривался в поисках любимой.

В голове бродил алкоголь, и меня неистово тянуло на любовь! Зажать в уголочке, потискать. Все, о чем я мог думать. Но Катя не отвечала. Вместо этого она устроила какие-то брачные пляски самки бегемота. Грация кошки, ловкость картошки. Я то и дело ловил ее и удерживал от неизбежного падения.

– Подыграй мне, – задыхаясь от плясок, проговорила она, – он смотрит!

Я огляделся в поисках Сереги, но задний план уже расплывался перед моими глазами. Мы еще немного подрыгались, пока я не выхватил из окружающей действительности белое пятно и немедленно ринулся к Альбине навстречу. Снес ее своим напором, подхватил, обнял, полез целоваться. И она, разумеется, тут же учуяла алкоголь.

– Леи! Ты что, пил? – она увернулась от поцелуя.

я взял ее ладонями за колени, подтащил ближе к краю подоконника и медленно развел ножки в стороны. Мои ладони заскользили по внутренней стороне бедра и пальцы прикоснулись к шелковистой ткани трусиков.

Альбина замерла. Я не уверен, понимала ли она, зачем я сюда ее привел, до этого момента или просто наслаждалась близостью и моими ласками, считая, что, как и раньше, я остановлюсь. Она посмотрела мне в глаза, и я шагнул в пространство между ножек и принялся целовать висок, скулу и под ушко на шею. Я знал, как она заводится от этого. А тем временем мои пальцы ласково гладили ее поверх трусиков. И тут я услышал:

– Леш, не надо, пожалуйста, – тихий, срывающийся шепот сквозь частое, частое дыхание.

И я знал, что когда она хотела меня остановить, то просто отталкивала и напоминала: «Ты же знаешь, что нам за это будет?». А сегодня это было так беспомощно и нежно, в сочетании с полным отсутствием сопротивления и даже, напротив, с тем, что ее пальцы царапали мою спину и блуждали в волосах, я понял, что она не может совладать с собой и остановиться. Поэтому я просто продолжил целовать ее шею и полез под край трусиков.

– Не бойся, – шептал я горячо, – доверяй мне, я тебя не обижусь.

И в моем понимании так и было! Я имел целью доставить удовольствие нам обоим. Быть вместе, окончательно, до конца и навсегда. Прекратить свои страдания и открыть для нас мир секса, в котором нас давно ждали.

– Я не боюсь, – отозвалась она, – если ты хочешь, чтобы это было так, я готова.

И я замер.

Темная, глухая, обшарпанная лестница. Облупленный холодный подоконник, на котором Альбина сидит в тонких трусиках. От окна тянет морозом, и воздух пахнет отголосками дневного меню с жареной капустой на второе. В довершении картинки мы услышали голоса наверху у двери. Один смеялся, второй был неразборчив, и тут этот второй прервался характерным, тошнотворным звуком. Кого-то вырвало двумя пролетами выше.

Моя спина покрылась мурашками омерзения, и волшебство прошло. Я увидел, как она дрожит, увидел ее напряженное, чуть испуганное лицо с блуждающим по щекам румянцем возбуждения и понял, что сейчас, только что чуть безвозвратно не испортил, как мне казалось, лучший миг в нашей жизни. Она заслуживала другого воспоминания. Других ощущений!

И я отступил. С чувством вины я вышел из пространства между ее ног, помог соскочить с подоконника и набросил на озябшие плечи свою куртку. Обнял ее крепко-крепко и прижался губами к волосам на макушке, изгоняя из тела одержимую дрожь предвкушения. Она обхватила меня за пояс и вцепилась пальчиками в спину, прижимаясь ухом к моей груди.

– Прости, – прошептал я, – у нас все будет по-другому.

И мы медленно поднялись наверх по лестнице, где начинало пахнуть еще омерзительнее. Прошли опустевшим коридором к актовому залу и вошли внутрь. На танцполе дрыгалось уже совсем немного народу. Кто-то разошелся по домам, кто-то сидел на стульях в зрительном зале. Большинство уже устало и наплясались.

Альбина огляделась в поисках подружки, но Катьки нигде не было видно. Меня это более чем устраивало. А через минуту зазвучал медляк, и я поволок свою драгоценную партнершу в центр зала. Под гитарный перебор я обнял ее за тонкую талию, она меня за шею, мы прижались друг к другу и задвигались в ритм музыке. Я склонился к ее ушку, и шепотом подпевал солисту «Don't you cry tonight, I still love you baby», и чувствовал, как она улыбается. Я улыбался тоже, мы слились, раскачиваясь в танце, повторяя движения друг друга, и будто дышали в одном ритме. Я закрыл глаза, растворяясь в музыке и ощущении ее тепла, и чувствовал нас двоих в моменте как самых близких, самых счастливых людей на планете.

Я помню этот танец так отчетливо, так ярко, настолько он отзывается теплом во всем теле потому, что это были, наверное, последние мгновения нашего незамутненного счастья и нашей близости.

А с заключительными аккордами музыки в зал ввалилась растрепанная и какая-то странная Катька, я не сразу понял, что с ней не так. Мы остановились, и она бросилась к нам, на ходу начиная рыдать. Она повисла на Альбине и заилась, обливаясь слезами. Я остолбенел, перед очередным ударом бодрой музыки успев разобрать только одну фразу:

– Он... они... изнасиловали меня!

– Аль, ты как? — Алекс глянул через решетку в соседнюю камеру.

– Ну что тебе сказать? — Она сидела на полке, поставив локти на колени и закрыв лицо ладонями.

Ее классический бежевый плащ, ухоженные волосы и замшевые ботильоны смотрелись в камере предварительного заключения как шедевр да Винчи на стене в туалете. Она отняла руки от лица и взглянула на него.

– Это пздц! — из ее груди вырвался смешок, будто она сдерживала полномасштабный хохот.

Лекс расплылся в широченной улыбке.

– Не парься, это не так уж страшно, нарушения коммендани — штраф и предупреждение. Ну и ночевка в участке. Я уже раз пять попадал.

– Я ни разу, — вздохнула она.

– Не сомневаюсь. К утру будешь дома с офигительной историей. Внукам будешь рассказывать.

Она напряженно улыбнулась.

– А большой штраф? — ее голос дрогнул.

– Не бери в голову, я угощаю. — Лекс оскалился. – Вот если бы они нашли нас минутой раньше или минутой позже... Вот тогда административка, и поехали бы мы с тобой копать могилы за черту отчуждения.

– Да ладно! — В ее глазах мелькнули восторг и ужас одновременно.

– Ну... замужним девушкам целоваться и все вытекающие с посторонними мужиками государством запрещено. Нарушение карантина и угроза демографии на минуточку. — Он уставился на нее в упор. Делать вид, что ничего не произошло, он точно не собирался.

А она собиралась.

– Леш, не надо об этом. Случайно вышло, ты же понимаешь. — Она отвела глаза в сторону.

– Охрененная случайность, – выдохнул он, – я тоже там был, помнишь?

– Ну чего ты от меня хочешь? — Она встала и вовсе отвернулась. Как же ему хотелось дотянуться до ее плеча и развернуть обратно, чтобы в глаза ему смотрела, когда будет говорить! — Это как... старая привычка. Ты это ты, и в тот момент две реальности как будто склеились... в общем, это неправильно со всех сторон. Извини... Я замужем, это не должно повториться.

Лекса передернуло, и кровь отхлынула от сердца.

– Не со всех, – процедил он сквозь зубы, – с моей стороны правильно.

– Ты просто... такой человек, с кем рядом как дома, как в своей старой куртке, которая сидит как влитая. И это странное чувство... Просто давай держаться на расстоянии, ладно?

– А то что? Боишься кладбищ?

– Я выросла из детской куртки, понимаешь? — Она повернулась и взглянула на него. Твердо, серьезно, уверенно. До того невыносимо, что он не выдержал.

– Тогда, надеюсь, твой муж не прочитает протокол. Там ведь подробно написано, за каким занятием нас нашли.

Алекс знал, что посторонним людям не дают читать протокол, данное обстоятельство, что они обнимались при задержании, всплыло бы только на суде, а судить их не за что. Но она-то этого не знала. Впрочем, в таких ситуациях копы не скупятся на шуточки в присутствии мужа. И протокол бы не пригодился.

– Что? — Теперь в ее глазах он увидел ужас. Ноги подкосились, и она села обратно на полку, а краска сбежала с ее лица.

Его немедленно обдало чувством вины. Хотел бы он относиться к ней иначе и извлечь выгоду из того, что стражи порядка в самой глумливой форме донесут до мужа бесценную информацию о том, что в его руках она чувствует себя как дома. Кому больше него выгодна их ссора и трещина в отношениях? Но стать причиной этого...

– Начальник! — гаркнул Лекс на все КПЗ.

– Ведите себя прилично, задержанный! — донесся угрюмый голос из окошка кабинета дежурного.

– Позвольте вас отвлечь. Есть разговор, – интригующим тоном произнес он, стараясь не смотреть на Альбину.

Лязгнул замок, дежурный вышел из своей коморки и загородил собой весь обзор на соседнюю камеру.

– Какой еще разговор, задержанный? — он уставился на Лекса красными от недосыпа глазами.

– Послушайте, уважаемый, у вас уже есть протокол задержания?

– Допустим.

– Я был бы очень благодарен, если бы вы и ваши коллеги забыли из него одну строчку. Всего одну!

По лицу дежурного промелькнула тень раздумья, и Алекс прямо увидел момент, когда в голове его зажглась лампочка озарения.

– Девушке стало плохо, – вкрадчиво объяснял он, – я придержал ее, чтоб не упала и не скатилась с крыши. Это же можно понять?

– Понять, конечно, можно, – осклабился полицейский, с удовольствием глядя на своего перспективного задержанного.

– Понять и простить, – Лекс против воли заулыбался, такая комедия сейчас происходила между ним и этим парнем, притом что оба все понимали.

– За десять тыщ, – подхватил дежурный его тон и утвердительно завершил фразу.

– А че так дорого? – возмутился тот.

– Во-первых, надо поделиться с патрулем, тоже, знаете ли, должны понять... и простить. А во-вторых, барышня уж больно красивая.

– При чем тут это?

– Притом что ты, голубчик, ради нее не десять, а все пятьдесят выложишь, у тебя вон часы дорогие, а ребятам детей кормить. Понял?

Алекс понял.

– Договорились, – вздохнул задержанный, – дайте мне телефон, и я скину на счет.

– Нашел дурака, – нахмурился полицейский, – наличкой принесешь, а она здесь посидит. Он отвернулся и ушел в свою коморку. Лекс закатил глаза и вздохнул.

– Сп-п-пасибо, – выдохнула Альбина, – я отдам! Попозже.

– Только попробуй, – хмуро отозвался он.

– Извини. Правда! Это я тебя во все это втравила и должна была сидеть здесь одна. – Ну как на нее злиться?

– Да брось, – смягчился Алекс, тем более что злился он на нее вовсе не за это. Выросла она... – Лучше расскажи, как все это вышло? Почему ты оказалась на улице за десять минут до начала комендантского часа?

– Ах это, — ее тон выражал такое облегчение, что он снова надулся, — просто начальник меня не очень любит...

– Тебя? Начальник? Скажи лучше, очень любит и хотел бы взаимности.

Альбина горько вздохнула.

– Ну да. Я отказала, он хотел уволить, но я официально устроена, а по собственному не пишу и нужна причина. И вот он уже полгода ее ищет. И вчера нагрузил как Золушку. Тридцать розовых кустов... Не закончишь — вылетишь за служебное несоответствие. Если в переводе с начальнического.

– Да пошли ты его на хрен! — возмутился Лекс.

– Не могу, я эту-то работу с таким трудом нашла... лучше не вспоминать. В пандемию люди за свое место держатся.

– А почему позвонила мне... а не мужу? — Он с болью выдавил из себя последние слова, в мозгу эхом множилась фраза «я замужем». В груди снова ощущалось нарастающее давление.

– Он дома, не успел бы, к тому же его прав лишили. А ты... это был выстрел наудачу. Друзей в иммунной зоне у меня не осталось, а новых не завела. Ты как-то сразу в голову пришел. Я же тебя знаю... приключенца авантюриста. Повезло.

Повезло, не то слово! Если бы в этот день он решил остаться дома, не успел бы тоже. Никак не успел. А за эту ночь он не пятьдесят тысяч, миллион бы сержанту выложил.

– Ага, везунчики, — Лекс засмеялся, широким жестом обводя камеру.

Она тоже рассмеялась.

– Запопали мы, как тогда с котенком, помнишь?

– Конечно помню. Как Фалафель?

– Он умер пару лет назад от старости... — она помолчала. — Тоже ведь влипли из-за меня.

– Влипли мы из-за меня, — возразил Лекс. — Я тебя туда притащил, я был старше и отвечал за тебя.

– Ты был ребенком, Леш, и никогда ты не отвечал за меня. Мы оба были детьми, и отвечали за нас взрослые.

– Мне нравилось о тебе заботиться.

– Да, я помню и благодарна. — Ее тон потеплел. — Я всегда доверяла тебе, и ты ни разу не обманул мое доверие.

– Обманул, — с горечью выдавил он и зябко сложил руки на груди, будто отгораживаясь от этой мысли.

– Ты был подростком, Леш. Не будь слишком требователен к себе. Ты и так делал много такого, чего нельзя было ожидать от школьника.

Они помолчали. Альбина ласково смотрела на него, он, сглатывая горький комок, смотрел в потолок.

– Давай поспим часок? — предложила она. — Я с ног валяюсь.

– Давай, — выдохнул он. — Спокойной ночи, Аль.

– Спокойной ночи, Леш.

Она легла на голую полку, поджав ноги, и просунула кулак под голову. Лекс посмотрел на это и встал. Снял с себя куртку и протянул сквозь прутья.

– Возьми, — тихо позвал он, — будет подушка.

Альбина протянула руки, и он метко бросил кожанку через коридор.

– Спасибо, — она улыбнулась и через минуту уже спала, уткнувшись лицом в импровизированную подушку.

А он не спал. Сидел и думал, вспоминал, перебирал в памяти эпизоды прошлого, стараясь срастить их с мыслью, что слишком требователен к себе, и его поведение было естественным в тех обстоятельствах. Не срасталось. Не укладывалось. Никак.

Глаза резало, и перед ними все расплывалось, когда, лязгая засовами, к нему вошел дежурный и бросил на полку изъятую ранее банковскую карту.

– Шесть утра, – сказал он, – вали до банкомата и можете быть свободны.

Альбина спала, когда он, ежась от недосыпа, прошел мимо ее камеры, скользнул взглядом по стройной фигуре, стянутой узкой юбкой-карандаш, и ладони загудели от желания прикоснуться. Он отвернулся и вышел на улицу. Ранним утром в Питере было даже слишком свежо. Его быстренько продрало до костей, и Лекс бегом рванул к ближайшему супермаркету. Мимо. В шесть утра никто не работал. Круглосуточные магазины со времен введения карантина исчезли как вид, а Петроградка была не самым благоустроенным в плане банкоматов местом. Пришлось топтать аж к станции метро, где железный ящик работал уже в это время. И только когда он торопливо шел обратно, на дорогах появился транспорт. Люди поехали на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.